
ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
'70 8

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 70 8

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

ОБРАЩЕНИЕ XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ КО ВСЕМ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Через два года Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина исполняется 50 лет. Это большое и волнующее событие для советской детворы, Ленинского комсомола, всей нашей страны.

На заре Советской власти родилась пионерская организация. Она создана Коммунистической партией, окружена любовью и заботой Родины. Растите коммунистами, помогайте революции! — это доброе и мудрое напутствие оставил Владимир Ильич самому юному поколению Страны Советов.

В вашем Торжественном обещании есть замечательные слова: любить свою Родину, жить, учиться, бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

Все поколения юных пионеров были верны этой клятве. Сегодня красное пионерское знамя в ваших руках, пионеров семидесятых годов.

Мы, делегаты XVI съезда комсомола, призываем всех пионеров страны начать подготовку к пионерскому юбилею. Готовьтесь к празднику горячо, увлеченно. Пусть каждый отряд, каждая дружина встретят его хорошими делами, новыми успехами в учебе, труде, спорте.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Пионерская организация носит имя Владимира Ильича Ленина. На ее знамени — орден Ленина. Дорожите званием юного пионера, всегда и во всем выполняйте заветы Ленина, свои пионерские Законы. Учитесь у коммунистов и комсомольцев бороться за дело партии, любить свою Родину.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: без знаний — нет коммунизма!

Учитесь на совесть, ученье — ваш главный труд. Растите пытливыми и упорными. Помогайте товарищам, строго спрашивайте с нерадивых, нарушителей дисциплины. Пусть в школах будет больше кружков юннатов, юных техников, книголюбов, историков, краеведов, геологов, математиков. Молодые рабочие, инженеры, ученые, студенты помогут вам сделать много новых открытий.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: коммунизм строится трудом миллионов.

Все прекрасное на нашей советской земле создано рабочими руками. Берегите и умножайте народное богатство, растите рачительными хозяевами страны. Охраняйте родную природу, украшайте нашу землю новыми садами, парками, скверами. Пусть каждая дружина и отряд приготовят Родине к пионерскому юбилею свой трудовой подарок. Дружите с бригадами и ударниками коммунистического труда, у них учитесь по-ленински трудиться.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: в дружбе советских народов — сила Отчизны!

Наша Родина — большая многонациональная семья. Крепите дружбу детей всех национальностей нашей страны, растите горячими патриотами социалистической Родины, гордитесь, что вы живете в стране Октября — Союзе Советских Социалистических Республик!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: пионер готовится стать защитником Родины.

Совсем недавно наша страна, все прогрессивное человечество отметили 25-летие со дня победы над фашизмом. Изучайте боевую историю нашего народа и его Вооруженных Сил. Создавайте в дружинах юнармейские отряды, отряды юных друзей пограничников, моряков, летчиков, космонавтов. Дружите с воинами, учитесь у ветеранов и героев нашей армии и флота. Проявляйте заботу о семьях военнослужащих.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: Красное знамя — знамя мира и пролетарской солидарности.

Ленинский комсомол, пионерская организация идут в авангарде международного молодежного и детского движения. Мы призываем вас укреплять дружбу с пионерами и детьми трудящихся всех стран мира, с борцами за мир, прогресс и социализм. Укрепляйте солидарность с детьми Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, арабских стран, борющихся против агрессии империалистов, собирайте средства в фонд мира. Растите настоящими интернационалистами!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Всесоюзная пионерская организация — это 23 миллиона ребят. Пусть для каждого из вас пионерские годы станут хорошей школой идейной закалки, дружбы и товарищества. От инициативы и смекалки каждого пионера, советов дружин и отрядов зависит интересная работа пионерских коллективов. Каждому пионеру — поручение, каждому отряду — полезное дело. Дорогу романтике, походам, веселым играм и увлекательным сборам!

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ!

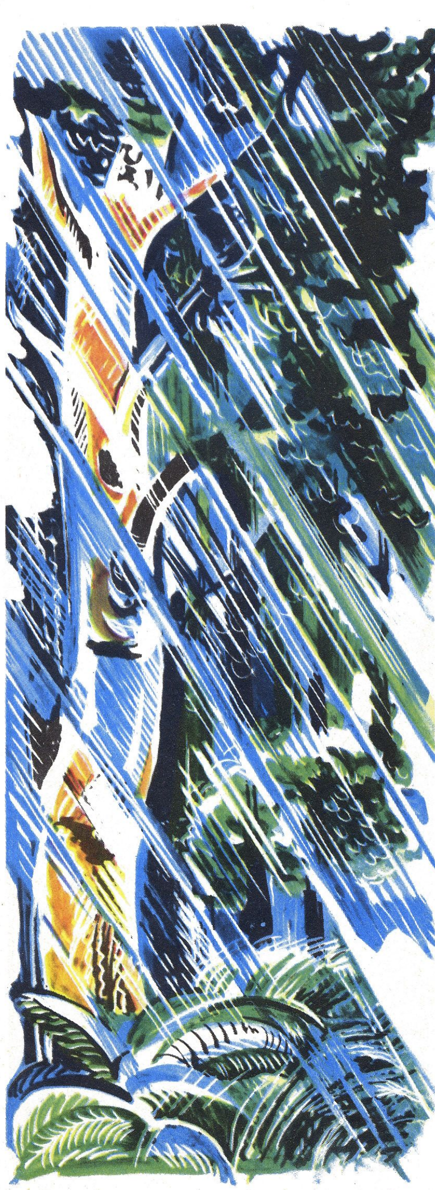
Мы, делегаты XVI съезда ВЛКСМ, верим, что советская пионерия и впредь будет надежным резервом комсомола. Мы уверены, что каждая пионерская дружина достойно встретит 50-летие пионерской организации. Пусть подготовка к юбилею идет под лозунгом: «Тебе, родная партия, тебе, Советская Родина, наши отличные знания, трудовые подарки, верность и любовь!»

Ленинский комсомол будет и впредь с честью нести звание вожатого юных ленинцев.

Тверже шаг, пионерия! Выше пионерские знамена!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

ЭДУАРД КОРПАЧЕВ

ТОЛОКНЯНКА, медвежья ягода

Рассказ

1

Уже проснулся Павлик в своей палатке среди лесного разнотравья — среди вереска да коровяка, дикого калана да кукушкиных слезок, уже сладко потянулся худым, растущим тельцем, не решаясь раскрыть глаза навстречу ломкому утреннему свету, а все еще будил его, стоя на корточках и не прикасаясь к нему, Климка, будил отчужденным, прохладным, каким-то словно отдаленным голосом:

— Вставай, подымайся, рабочий народ. Приехал Боровков из аптекоуправления, толокнянку принимать будет.

Климка всегда был рад Боровкову, как рад ему был и отец Павлика, и оба они, отец и Боровков, удивлялись каждой новой встрече и праздновали эту встречу, пели военные песни и без конца вспоминали.

И тотчас Павлик подумал, что опять будут в их доме солдатские песни, и обернулся, решая зазвать на неожиданный, немного печальный праздник Климку: приходи Климка, на военные песни. Но Климки уже не было рядом, уже расхаживал он у палаток, и теперь Павлика насторожило, что Климка так быстро покинул его. Эту отчужденность почувствовал он с самого начала, когда они только перебрались из села, только начали сбор лекарственных трав и когда Павлик принес свою скатанную палатку. Ребята попросили отдать эту палатку девчонкам, самому же перейти в другую, большую, там найдется местечко, если потесниться, но он не захотел так.

Одевшись и пригладив склеенные водой темные волосы, Павлик подошел к общему лесному столу, здесь уже была расставлена утренняя снедь, и Соня-ботаник резала хлеб. И странно: среди ребят и девчонок, среди охотников за травами он не почувствовал себя своим человеком, которого можно беспечно толкнуть локтем, ему расхотелось есть. Он вспомнил, что приехал Боровков, толокнянку принимать будет, и поднялся из-за самодельного стола, окидывая взглядом всех:

— Ну, я побег на свою поляну.

— Вот Робинзон! — блеснула Соня черными, как смородинки, глазами. — Нашел в лесу какой-то островок, какую-то свою поляну. Хоть бы показал, какая там флора.

— Не, — усмехнулся Павлик, — моя поляна заветная.

— Это хорошо, если ты нашел свою, урожайную поляну, — сказал прежним, прохладным и словно бы отдаленным голосом Климка. — Но если ты обираешь все ту поляну, что в Сухом урочище... — он осуждающе покачал головой, и голос его показался совсем недружелюбным. — Ведь в Сухом урочище брали толокнянку прошлый и позапрошлый год, и надо пощадить ту полянку.

— Не, Климка, у меня совсем другая поляна, — торопливо тряхнул головою Павлик.

И все же ему надо было в сторону Сухого урочища, он обошел лагерь, настороженно слушая близкие знакомые голоса, и споро зашагал на ту самую поляну, о которой спрашивал Климка и о которой будто бы не слыхал он, Павлик. Он пока помалкивал про эту поляну, но осенью, в духовитую и прозрачную пору, он все же сознается ребятам и не побоится, потому что смешно щадить растения, которые прут из лесной земли каждое лето.

Сухое урочище встретило запахом сена, запахом полегшей толокнянки, но еще много здесь живой толокнянки, и Павлик принялся нагибаться, срезать кривым ножом траву, бросать ее тут же. Он знал, что сушить траву полагается в тени, но на солнце трава сохнет мигом, и никакой Климка этого не видит. Правда, высушенная на солнце трава обычно желтеет, а сдавать надо зеленого цвета, но если перемешаешь свою траву с той, что собрали остальные ребята, то Боровков примет ее первым сортом.

Нагибаясь и подрезая траву, Павлик раздумывал об отце и о Боровкове, бывших однополчанах, а еще о том, что надо высушенную толокнянку доставить в лагерь теперь, прежде чем вернется из села Боровков. И он отбросил нож в сторону и стал подбирать и складывать сухие листья в мешок, пахнущий шмелиным медом.

К лагерю Павлик возвращался с той стороны, откуда и ушел, и голоса ребят опять послышались ему из-за кустов, и Павлик не стал хорониться, а выволок мешок на открытое место и в ту же секунду пожалел об этом, потому что увидел у палаток машину, и Боровкова, и Климку, и Соню.

Его тоже заметили сразу, и Климка уже не отчужденно, а с хорошим удивлением сказал:

— Отыскал Павлик поляну — такую богатую! Больше всех толокнянки собрал.

— Не, — смутился Павлик, — не больше всех. — Потому что вовсе не хотелось ему хвастаться перед Боровковым, а то еще полезет Боровков в мешок, какая там у него трава.

И сколько уж лет помнил Павлик Боровкова и его седину, и сколько слышал от него военных песен, а вот теперь будто нечто незнакомое в нем появилось — или это сам Боровков напустил на себя такую сдержанность? Он лишь кивнул Павлику, замялся на минуту, скрадывая что-то от него, а затем вдруг и вправду шагнул, потрогал мешок, дернул за веревочку и полез усеченной своей ладонью, выбрал на ладонь ворох толокнянки, откинул несколько желтых листьев на землю. Потом еще раз и еще копнул — тоже попались на глаза загоревшие на солнце листья.

— В тени сушить надо, — сказал он, не глядя на Павлика. — Как такую толокнянку принимать? Перебрать ее надо.

Павлик, ощутив теплый толчок крови в лицо, быстро склонился и стал отбрасывать желтые листья в сторону — ах, этот желтый, предательский цвет!

2

Павлик ждал вечера и беспокоился, как теперь отнесется к нему Боровков.

Он должен был проверить и принять обмолоченную толокнянку, а трава хранилась в бумажных мешках у них в сухом хлеву, сам батя предложил ребятам хранить здесь лечебные травы, и вот Боровков пришел из леса посмотреть готовые, высушенные листья, определить их ценность, но отец не дал Боровкову сразу взяться за дело, а повел его в спелый сад.

Когда же повернули отец с Боровковым с узкой садовой межи во двор, Боровков сказал:

— Показывайте, где там лечебная трава? Чего зря машина стоять будет? Завтра и отправим в город.

Отец распахнул ворота в сухой, гуменный дух хлева, следом за отцом и Павлик нырнул в темноватый скрадень лета, они выбрали бумажный мешок и вынесли его Боровкову. Боровков здоровую руку запустил в мешок, в самую гущу, будто колдуя, и наугад вытащил горсть листьев, бросил их на тарелочку походных своих весов, добавил еще щепотку листьев, чтобы ровно сто граммов получилось на весах.

Что поделаешь — и здесь промелькнул желтый лист, без этого не обойдешься, и Павлик смотрел, как Боровков внимательно щупает пробу, что-то помечая в своем блокноте, как затем он берет сито, еще раз просеивает пробу, определяя процент негодных примесей.

— Ах, этот желтый, предательский цвет! — произнес он с хмурой усмешкой, так что Павлику показалось, что это его, Павлика, слова, сказанные им сегодня в лесу. А затем Павлик услышал другие, знакомые и тоже словно бы свои, но уже сказанные отцом слова:

— Не без этого! В природе не бывает, как в аптеке.

И Боровков как будто согласился с этим, хотя не обмолвился и не кивнул головой, лишь спросил, сколько всего собрано толокнянки. И когда Павлик с отцом в унисон ответили, Боровков с удивлением посмотрел на них.

— Больше, чем в прошлый раз. Ну, лесные добытчики — молодцы!

Отец же бросил признательный взгляд на Павлика и нервно, радостно заковылял опять к хлеву, Павлик понял, что хочет он показать Боровкову ту, особую, отдельную траву, которую собирались они вдвоем сами свезти в аптеку и которую решился батя сдать товароведу. И вот уже батя вынес в охапке бумажный мешок.

— Принимай и эту! Только на сына пиши, он собрал ее сверх нормы — он такой у меня малец! Пиши на сына.

Боровков быстро снял пробу и с этого мешка, и не было в нем дурного желтого листа и примесей совсем не было — словно это и не в природе, а в аптеке.

— И много еще такой экстры?

— А кило тридцать будет! Пиши на сына...

— Такую траву только давай, — улыбнулся Боровков, и Павлику показалось, что даже седина на его голове просияла, стала ярче. — Запишем, обязательно запишем — только не на сына, а на всю школу. Зачем выделять сына? Школой всей собирают — школе всей и премия будет, лыжи там купят или еще что...

— Да ведь же малец ее собрал! Он весь лес облазил, он у меня там и ночует. Так негоже, малец мой старался... — с укором сказал отец Боровкову, но Боровков посмотрел на отца таким беспощадным, строгим взглядом, что Павлик сразу потерял надежду услышать вечером военные песни и увидеть однополчан рядом.

— Сына не порть, — сказал Боровков тихо и пошел со двора, а батя стал зазывать его в дом, но Боровков устало отказался.

3

Поздние петухи прокричали раннюю зорю отцу, и он ушел с голубой косой по лесную траву, косить сено где-то поблизости той, заветной, поляны, а Павлик проснулся позже и побежал к лесу, как бы умываясь на ходу воздухом. Когда он повстречал в лагере знакомых ребят и незнакомого Боровкова, то не стал искать с ним разговора, потому что уклонился Боровков от разговора и песен еще вчера.

Прежде чем увидеть отца, он услышал тихий звон косы, как будто кто-то дышал сильно, а уж потом, подойдя поближе и раздвинув кусты, заметил отца, как он водит плечами, как он кладет наземь рослые травы, упорно глядя вниз.

И все же отец, хоть не подымал глаз от земли, окликнул Павлика в тот миг,

когда он собирался сам выйти из-за кустов, и Павлик подбежал к отцу и сказал, что встретил Боровкова в лагере и что опять он ночевал на диване в сельсовете, свой пиджак измял.

— Жизнь у него, конечно, не рай, — словно подводя итог своим ночным думкам, поделился отец. — Чего он злился бы на людей, чего бы придирался ко всему? А только, сын, мы от своего не отступимся. Собирай эту толокнянку, ховай, а потом сами в город завезем. И будет у тебя приемничек без проводов...

— Транзистор! — выдохнул Павлик слово, которое стало таким привычным для него за тот срок, когда впервые сговорились они заработать с отцом транзисторный приемник на траве толокнянке, да вот Боровков помешал. — Климка от зависти сбесится. И так завидует, что у меня своя палатка...

— Завидуют батьке — завидуют и сыну, — усмехнулся отец. — Эх, люди! Ну, сын, беги по свою траву...

— Бегу, батя!

Когда он выскочил на самую середину поляны с полегшей, вялой, подсыхающей толокнянкой повсюду, то тревожно глянул из-под ладони на солнце: как бы не сгорела на припеке трава, не взялась желтизной. Но тут же подумал, что в мешок будет собирать только хороший, зеленый цвет, а завтра Боровков уедет, и в дело снова пойдет вся трава. Если бы он клал сушиться толокнянку в тень, как полагается, а не на солнце, то не набрал бы тридцать кило толокнянки, и пускай они пропали зря, эти тридцать кило, — впереди еще долгие дни лета, и надо быть проворней.

Павлик даже рассмеялся в душе, вспомнив, как наказывал Климка щадить эту поляну, а вот собирал Павлик толокнянку — и не было ей переводу.

Наполнив мешок, он потащил его в лагерь, а по пути заглянул на отцовский покос и увидел, что отец сидит на земле, отдыхает. И как охотно уселся Павлик рядом с отцом!

4

Кажется, они оба вздремнули в духоте накаляющегося летнего дня, и когда подхватились одновременно, то заметили вы-

ходящего из-за кустов Боровкова и удивились ему, а Боровков будто бы удивился, что они вдвоем здесь.

— Как же нашел нас? — спросил отец.

— Разведчиком я был на войне и теперь еще могу идти в разведку, — хитро ответил Боровков, подходя к ним и тоже оглядывая покос, и деревья, и небо.

«Климка подсказал, — догадался Павлик, — Климка показал дорогу». И сразу представил его себе, такого серьезного, умненького, причесанного, что тошно стало. И не обманулся Павлик в своей догадке.

— Ребята рассказали про полянку, где Павлик толокнянку берет, я и решил поискать, разведать, — сказал Боровков.

Отец тотчас опустил глаза в знакомой озабоченности, и Павлик почувствовал, что он подумал о вчерашнем вечере и о том, что происходит меж ним и Боровковым.

— Косишь? — уронил Боровков, как-то странно посматривая вокруг на высокие, как рожь, травы. Отец нагнулся неудобно, потому что мешала нога, и поднял с покоса теплую, точно расплавленную, косу, подал ее Боровкову:

— Бери, бери да шире плечом поводи!

И Боровкову пришлось взять в руки косу, и он бы повел, наверное, легко и с широким захлестом, как в молодости, но вновь что-то странное мелькнуло в его лице, и он резко повернул лицо к отцу:

— И охота тебе? Сена хватает в колхозе, а ты еще лепишь стожок к стожку. Не понимаю — зачем тебе лишнее?

— И я не понимаю! — вспыхнул отец, отчего задергалась у него бровь. — Не понимаю, чего ты ругаешь меня. Живу, слава богу, хорошо, люди уважают, и работаю, не ленюсь, хотя инвалид, — он хлопнул себя по протезу, — инвалид Отечественной войны.

— Только сына своего не мани рублем. Сын фронтовика должен вырасти правильным человеком.

— Ты, Алексей, скинь камень с души,— сказал отец ему. — Если тебе чего не хватает в жизни — скажи, я хоть и раненый, а помогу. Хотя и твоя городская жизнь не так плоха...

При этих словах Боровков отбросил косу и так проникновенно, так печально посмотрел на отца, что Павлик удивился, сколь сильным может быть человеческий взгляд и сколь многоречивее любого слова, любого поступка.

— Если у меня чего не хватает в жизни, так это иногда здоровья, а иногда друзей-фронтовиков. И ты ничего сейчас не понял. И наш разговор — я приказываю, слышишь? — продолжится вечером, на краю леса, в том окопчике, который еще не сровнялся с землей. В том окопе я тебе и приказываю быть к вечеру, в семь ноль-ноль. И тут никаких опозданий. Чтоб минута в минуту, как на фронте.

И пошел Боровков с поляны, а Павлик с отцом угрюмо посмотрели вслед.

5

Вскоре и отец, нахрамывая, скрылся за кустами, и показалось Павлику, что без отца стало сумрачно в лесу, беспросветно, но когда он взглянул на небо, то понял, отчего так потемнело вокруг: собирались пухлые серые тучи, и солнца не было. Стал гадать Павлик, придет ли отец к вечеру в окоп, сохранившийся на опушке леса, и зачем Боровков назначил встречу в окопе, который теперь и вовсе мало похож на окоп.

А тучи плотнее кутали небо. Павлику так не хотелось браться быстро за дело, сгребать толокнянку в одну скирду, под навес ветвей, чтоб не подмочило. Подумаешь — она бы вскоре и высохла после дождя, и приняли бы ее, побуревшую, низким сортом, так что и беспокоиться не стоило, но он все-таки сейчас будто стыдился Боровкова.

Сначала точно совсем бесшумно упала с неба ртуть, затем зароптали листья, влажно, лаково преображаясь, и вот уж дождь обрушился на деревья, на толокнянку, на муравейники, на ягоды.

Выскочив на поляну, Павлик принялся подбирать сорванную траву и охапками скидывать ее под старым грабом.

Шорох стремительного дождя торопил Павлика и не давал минуты передохнуть.

Было бы так прекрасно сидеть под надежным деревом, где сухо и пахнет пылью. Там, в лагере, ребятам не надо ничего спасать, все и так было в тени, и теперь они не бегают под дождем, сидят себе в палатках, а ему одному такое наказание.

Павлик ощутил свою заброшенность и одинокость, словно один остался он во влажном лесу, а там, в палаточном городке, он все же видел ребят, их голоса, их смех слышал, хотя и жил замкнуто в своей палатке.

Отсюда, из своей заброшенности, он подумал, что никто из ребят сейчас не вспомнит и не попытается найти его, но он ошибся, и когда посмотрел скучно в ту сторону, куда вела в лагерь никому не видимая дорога, то заметил человека. Это был Климка, он быстро выходил из кустов — тоже в закатанных штанах, в мокрой ковбойке, с приглаженными дождем волосами, и Павлик хмуро посматривал на него, ждал привычной болтовни о поляне, которую он все-таки не пощадил.

Но Климка не стал досаждать укорами и взялся помогать ему.

— А в лагере тоже носились, траву спасали? Хотя нет! — тут же спохватился Павлик. — Под деревом ей что?

— Ну да! — заперечил Климка, останавливаясь. — С деревьев так полилось, что мы все поняли: все равно намочит. И стали рушить палатки, брезентом накрывать.

— И мою? — вырвалось у Павлика.

— И твою. А что ж?

И Павлик вдруг искривился всем лицом, как от горечи, кинул охапку и бросился бежать в сторону лагеря.

Еще издали он услышал крики ребят, какие-то радостные вопли, точно приветствовали они этот дождь, и Павлик намеревался увидеть их всех перемокшими, сидящими где-то на куче толокнянки с поднятым над головами брезентом, но когда покинул кусты, то увидел вдруг свою палатку невредимой, в ней битком было ребят, так что брезент выдавал округлость голов, словно наполненный арбузами, и он подбежал к палатке, все еще удивляясь, что она одна уцелела, а все другие палатки полегли. Не переставая шуметь в теснотище, ребята стали окликать Павлика, цепляться за его руки и тащить к себе, хотя и невозможно было бы уместиться еще одному человеку, но Павлик вырвался из рук и воспринял их шум, их радость так, будто все они издеваются над ним и нарочно не тронули его палатку, чтоб потом смеяться над ним и рассказывать с наивными улыбками, что вот уместились все они в ней, а Павлик почему-то один занимал такую роскошную, вовсе не тесную палатку.

Павлик метнулся вновь в кусты и побежал, побежал к своей поляне.

Он хорошо помнил окоп, в котором затевали военные игры он сам и его ровесники, и многие ребята еще будут затевать, пока годы не сровняют окоп с землей, и вот уже легким послушным шагом тронулся Павлик в путь, намереваясь раньше отца с Боровковым оказаться там и забраться в траншею, давно заваленную землей, и листьями, и желудями.

Еще ни отца, ни Боровкова не было видать; Павлик походил по дну окопа, по мягкому войлоку травы, затем перебрался в удобное углубление под деревом и, поджидая фронтовиков, начал думать о своей палатке, которая смогла вместить всех ребят и показалась наполненной арбузами, о том радостном шуме, которым встретила его палатка и который не забывался после, когда он убегал прочь, и помнился теперь. Он видел какой-то двойной смысл в том, что они забрались все в его тихую дотоле палатку и в невообразимой тесноте кричали, галдели и, наверное, пели что-нибудь — словом, жили. Она вдруг предстала такой странной, палатка, и если теперь он вернется туда, то наверняка увидит ее опустевшей, все будет на месте, ничего из вещей не попало под ноги, и он сядет молча в ее брезентовом сумраке, вспомнит необычайный шум, заполнивший ее на время, и догадается, что уж всегда этот шум будет вспоминаться ему, едва останется он один, и будет нести разные мысли: сегодня — сегодняшние, а через год — другие.

Рис. Е. Скрынникова

Когда нужен глаз

Немало интересного можно подсмотреть в природе и весной, и летом, и с наступлением тихих предосенних дней. Юные натуралисты Глинской восьмилетней школы Кромского района на Орловщине увлекаются фенологическими наблюдениями.

Ребята отмечают появление первых проталин на полях, прилет грачей, скворцов, начало ледохода, цветение орешника, вылет пчел... Они уже знают: зацвела вишня — значит пора сеять кукурузу. С прилетом кукушки всегда наступает теплая устойчивая погода. А когда зацветает полевой вьюнок, земледелец должен глядеть в оба: возможно появление капустной тли.

Наблюдения ребят не напрасны. Об этом можно судить по тому, что их пришкольный участок лучший в районе.

Ягода малина

К ним привыкли в поселке, ребята с зелеными повязками на рукаве ни у кого не вызывают удивления. Потому что каждый житель поселка Москвино Ивановской области знает, что тенистый наряд улиц — дело юных рук.

Но сажать цветы и маленькие березки, следить, чтобы росли они и крепли, — только часть забот «зеленого патруля».

А лес? Ведь он тоже требует помощи.

Вот уже второй год выполняют ребята задание школьного лесничества. Чтобы не оскудевали лесные кладовые, каждый должен посадить в лесу пять кустов малины, два куста смородины и двадцать кустов земляники.

За лесными дарами

Стоят последние теплые дни лета. Бронзововолосый август уже шагает по полям, степям и лесам. Легкие светлые дожди бегут за ним по пятам. От них пробиваются сквозь подвяленную солнцем листву и не по часам, а по минутам растут белые грибы-крепыши. Самое время их сбора.

Пионеры Пермской области большим походом двинулись в леса. Одни только братья Галановы — третьеклассник Коля и ученик четвертого класса Володя из Печменской средней школы Бардымского района заготовили прошлым летом больше тонны грибов, 400 килограммов сухой рябины, сдали много лекарственно-технического сырья.

Натянутой струной гудит высокоствольный лес. Рад он ребятам. Изо всех сил старается отблагодарить их своими дарами за ежедневную заботу о нем.

Стезей первооткрывателя

Что может быть приятнее путешествия по родному краю? Тем более если оно совмещается с полезными делами. А их у ребят много. Например, они выполняют задания геологов по исследованию верховья реки Карабалты и ущелий Каинда.

Очень любят ребята такого рода походы. Из собранных образцов минералов и горных пород они составляют коллекции. Школьные отряды ведут геологические поиски, и нередко успешно. Ученики Панфиловской школы Калининского района нашли мрамор редкой красоты, образец которого сейчас экспонируется на Всемирной выставке ЭКСПО-70 в Осаке.

Золотые колечки

Широкая Волга плавно несет свои воды вдоль зеленой калмыцкой деревни. Весной река буйно заливает плавни и окрестные пойменные луга.

Но к лету вода спадает. Под душным зноем высыхают глубокие колдобины, старицы, и в них остается большое количество мальков ценных пород рыб, которых неминуемо ждет гибель.

На помощь рыбам, попавшим в беду, приходят юные натуралисты Цаган-Аманской школы Юстинского района. Только за одно нынешнее лето «голубые патрули» спасли 700 тысяч мальков.

ТРОПОЙ ДЕРСУ УЗАЛА

Все произошло молниеносно: двигатель неожиданно заглох, пытаясь задержать лодку, я уперся в дно шестом, но его заклинило между камнями, и в одно мгновение я очутился за бортом. Я плыл, работая одними руками, тяжелые охотничьи сапоги, наполненные водой, тянули вниз, мокрая штормовка сковывала движения. Оглянулся: Анатолий, мой спутник, нервно дергал за шнур, пытаясь завести мотор. Наконец мотор затарахтел, и все обошлось благополучно...

Шестой день мы поднимаемся по своенравной реке туда, где в верховьях Имана спрятала тайга большие выходы гранита.

Анатолий мой друг, и с ним не раз ходили мы в тяжелые походы. С нашим же руководителем, Татьяной Вячеславовной, идем впервые. Ее интересуют граниты. И камешки, которые она собирает, мы прозвали «лунными» камнями.

Для меня поход этот начался еще в детстве с первой прочитанной книги В. А. Арсеньева «Дерсу Узала». Меня захватила тогда таинственная прелесть Приморья с дремучими за-

рослями тайги, с потаенными тропами маралов в буйно перевитых лианами чащобах. Я мысленно отыскивал на тропах тяжелые следы медведей, а в ушах долго-долго стоял царственный рев уссурийского тигра. Все это волновало, звало в далекие путешествия, и с тех детских пор, наверное, навсегда осталась со мной неуемная страсть к открытию новых земель.

С тех пор я исходил много дорог в разных местах нашей страны, но в том заповедном краю детства мне все никак не удавалось побывать. И вот наконец это неожиданное приглашение в экспедицию, дальний перелет самолетом и таежная деревушка Сидатун в горах Сихотэ-Алиня.

В Сидатуне мы взяли лодку, обкатали мотор, чтобы приноровиться к суровой реке, и потом отчалили от берега. Над Иманом стелился туман, от неубранного по берегам сена приятно пахло разнотравьем.

Поклажа у нас небольшая: нехитрое снаряжение, снасти для рыбной ловли и оружие. Так, на всякий случай, если произойдет неожиданная встреча с медведями, рысями или росомахой.

На первую ночевку решили остановиться пораньше. Кругом тайга, дикие заросли. Лагерь разбили на островке. Ночью разразилась гроза. Так как вода в реке могла подняться очень быстро, все время дежурили у реки. Островок низкий, и, если вода вдруг начнет прибывать, придется искать другое место. А каково это ночью!

После грозы новая преграда — нужно пройти «трубу». Узкое и коварное место на Имане. Это был шестой день пути, когда отказал мотор и нас «расчесало». Ветки подмытого водой дерева сбросили меня в воду и чуть не перевернули лодку.

Кажется, самое безопасное место на реке «разбои», так называют здесь множество рукавов, на которые распадается Иман. Но это только кажется. Приходится идти по берегу и тащить, словно бурлакам, лодку по узкому мелкому рукаву. Зато здесь-то и встретил я неповторимые картины природы.

Поломанные ветки черемух подсказывают, что где-то рядом медведь лакомится сочными ягодами. Изредка доносится шум, но близко косолапый не подходит. На высоких кедрах хлопочут белки и бурундуки. Нет-нет да и мелькнет в траве радужное крыло бабочки, огромной, величиной с ладонь.

Идти все тяжелее и тяжелее. Высокая трава путает ноги, поваленные деревья, переплетенные лианами, преграждают путь. И комары, гнус, мошки. У завала из сотен огромных деревьев решили сделать остановку и порыбачить. Клев был хороший — не прошло и получаса, как мы взяли на спиннинг несколько крупных тайменей и ленков.

После «разбоев» река стала широкой и удобной для плавания на моторной лодке. Сопки с зелеными шапками вершин расступились в стороны, выставив крутые бока осыпей. С каждым днем лодка становилась все тяжелее — Татьяна Вячеславовна работала с утра до вечера. И когда мы повернули назад, моторка глубоко сидела в воде, так что проходить через «трубу» мы не решились, а, разобрав завал в соседнем рукаве и разгрузив поклажу, с большим трудом спустились вниз.

Так закончился наш поход за «лунным» камнем. Кусочек гранита и сейчас лежит на моем столе. Когда солнце высвечивает его бурые грани, мне вспоминается Иман, сердитая, но красивая река Приморья.

И. НЕВЕЛЕВ

Фото автора

Фикусы-удавы

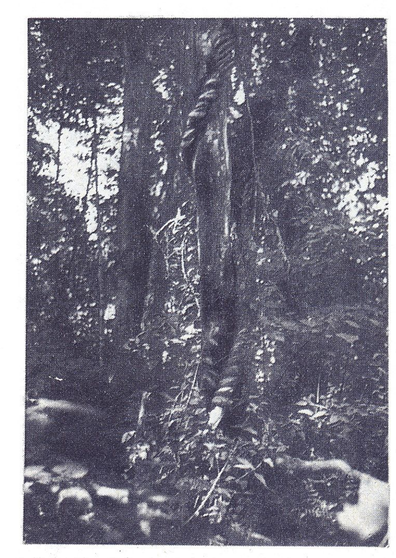
Только не пугайтесь и не смотрите со страхом на свои фикусы. Ваши комнатные цветы абсолютно безопасны. Но в далеких тропиках Азии, во влажных лесах встречаются другие фикусы. О них и пойдет речь. Это очень сильные и мощные деревья высотой до 30 метров. Ствол шириной в 3,5—4 метра, а под его кроной можно расположиться, как под шатром: на открытых местах «зонтик» фикуса достигает 50 метров.

Фикусы-удавы начинают свою жизнь не в земле, как другие растения, а на ветвях деревьев, чья жизнь с этого момента обречена на гибель. Семена фикуса, занесенные на ветви обезьянами, птицами, выбрасывают густые корни. Обвивая ветви, они начинают сползать по стволу, добираясь до земли. Кроме того, с ветвей свешивается множество жгутообразных корней, получивших название воздушных, и они также укореняются на земле. Издали они кажутся подпорками, подставленными под пышную крону гиганта. Эти корни-подпорки помогают фикусу-удаву быстрее развиваться, снабжая его влагой и питательными веществами из почвы. Воздушные корни, не достигшие земли, свободно болтаются, словно оборванные концы веревки. Постепенно корни фикуса образуют вокруг ствола дерева плотно сплетенный ажурный каркас. Он настолько сильно сжимает ствол дерева, что кора его лопается, и, конечно, от этого страдают все ткани коры и древесины. Еще недавно стройное, полное сил, с пышной раскидистой кроной дерево погибает, а каркас, сплетенный вокруг ствола, все более утолщается и ветвится, и после гибели задушенного им дерева сам становится стволом нового фикуса. Отмерший ствол постепенно превращается в труху. Если ее выбрать из цепких корней фикуса, можно увидеть тонкое кружевное плетение. Крона фикуса-удава вместе с кроной еще не погибшего дерева-жертвы образует гигантскую шапку из крупных, плотных листьев. Ее поддерживают воздушные корни-подпорки, и кажется, будто перед вами небольшая роща. А это всего-навсего одно-единственное дерево-удав.

А как ведут себя фикусы, выросшие не в лесу, а на открытых площадках? Им некого душить. Растут они так же, как и лесные. На воле они дают более мощный приземистый ствол и огромную, растущую горизонтально грибовидную крону, которая со всех сторон поддерживается «самостоятельными стволами» — воздушными корнями-подпорками. Сеть могучих радиальных корней, подобно рукам Геркулеса, держит весь этот гигантский зеленый шатер. Под ним можно укрыться от жары, особенно там, где палит тропическое солнце.

Фикусы-удавы приносят пользу человеку не только этим. Их молодые побеги служат пищей для весьма ценного насекомого — лакового червеца. На поверхности тела червеца скапливаются обильные выделения. После специальной обработки из них получают шеллак — смолу, которая широко применяется в различных отраслях промышленности.

И. ЗОНН

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

АВГУСТ

Ласковый август. Щедро дарит он последнее летнее тепло природе, поэтому его и не хватает августовским ночам. Все тепло отдал август днем деревьям, чтобы успели дозреть яблоки и груши, чтобы поспело все в огородах до первых утренников. Темно-зеленая листва спрятала, может быть, где-то первый желтый лист; в лесу, раздвигая старые еловые иголки, высовывают голову белые грибы, а кое-где у старых пней уже появляются первые опята. Светятся в зеленых листьях рубины костяники. Выросли и окрепли птенцы, скоро им предстоит первый далекий путь, а пока они набираются сил и лишь изредка прилетают к покинутым жилищам. В лесу пахнет грибами, росой и немного осенью.

Высоко над рекой парит большая птица. Снизу хорошо видны ее светлые крылья и ярко-белая грудка. Такой ярко-белой грудки с небольшим черным нагрудничком нет ни у одной нашей хищной птицы. Пернатый охотник что-то заметил на воде, чуть заметно качнулся, бросился вниз, лишь мелькнули темные крылья и спина. Если птица спикировала неподалеку, можно заметить и белую шапочку на голове.

Это скопа. Везде, где есть вода и рыба, от западной границы нашей страны до ее восточных берегов, встречается этот неутомимый рыболов. Пожалуй, скопа единственная хищная птица, которая умеет не только ловить рыбу, поднявшуюся к поверхности, но и нырять за добычей в воду.

Иногда над озером или рекой подолгу парит коршун. Он совсем темный, и хвост у него вырезан как бы вилочкой, в то время как у всех остальных хищных птиц хвост либо закругленный, либо клиновидный.

Если долго наблюдать за этим спокойным охотником, то можно заметить, что он никогда не пикирует вниз к добыче так же быстро, как скопа, а интересуется или заснувшими, или уже испортившимися плотвичками, окуньками или подъязками.

Чаще коршуна можно встретить в поле, на лугу или в степи, где он охотится за лягушками, ящерицами, а иногда и за мышами. Устав, охотник присаживается на стог сена, сосредоточенно поглядывает по сторонам и подает своеобразный сигнал — протяжную дрожащую трель: не то свист, не то клекот.

Порой коршуна путают с канюком. По окраске они почти одинаковы. А вот полет, крик, приемы охоты у них различны. Канюк делает круг, еще круг на неподвижных крыльях, как настоящий планер, потом что-то замечает внизу и неожиданно останавливается на месте, часто-часто помахивая крыльями. Так коршун не может, не умеет останавливаться на месте и скопа. Это канюк, замечательный сторож урожая, первый враг мышей.

Хищные птицы в полете: 1- орел-карлик; 2- сокол-сапсан; 3- черный коршун; 4- ястреб-перепелятник.

А посмотрите за другой птицей, что снялась со стога и плавно полетела над самой землей. Медленно, плавно взмахнула она крылом и заскользила на расправленных крыльях около самой земли. Не спеша поводила крыльями вверх и вниз и снова заскользила над скошенным лугом. И вдруг неожиданным коротким броском кинулась в сторону и уже с добычей в когтях взмыла вверх и опустилась на соседний стог.

Охота завершена. Только что лунь поймал мышь. Не надо особенно присматриваться к окраске птицы, к форме ее хвоста, чтобы убедиться, что это именно лунь охотится сейчас неподалеку, — достаточно понаблюдать за методом охоты этой птицы. А как отличить друг от друга лугового, степного, полевого и болотного луней? Тут нужно особое внимание.

Седой как лунь — иногда говорят о совершенно седом человеке. Действительно, самцы лугового, полевого и степного луня имеют светлое, будто поседевшее, перо. А болотный лунь больше похож на их темноокрашенных самок.

Звонко кричит полевой лунь: «ки-ки-ки». Он может произносить и другой звук— протяжное, вибрирующее «пи-иррръ».

Почти так же кричит и степной лунь. Только вместо звонкого «ки-ки-ки» издает «гик-гик-гик». А если долго понаблюдать за степным лунем, то можно услышать и другие звуки, в то время как полевой лунь знаком лишь с двумя сигналами.

Определить лугового луня гораздо проще — та же манера охоты, тот же седой окрас у самцов и темный у самок и молодых птиц, но вместо звонких и дребезжащих звуков луговой лунь издает жалобный сигнал «гек-гек-гек».

Остался болотный лунь. Он отличается от своих собратьев гнусавым писком, похожим на «пиийию, пиийию». Да и манера охоты у него иная. Вначале он так же медленно скользит над землей, редко взмахивая крыльями. Но как только заметит в траве водяную крысу, тут же приостановится, поднимет высоко вверх развернутые крылья и, вытянув книзу лапы, упадет на добычу.

Подошло к концу сегодняшнее знакомство со скопой, коршуном, канюком и лунями. Где встретили вы этих птиц, как отличили друг от друга, что интересного заметили в их поведении, какие хищные птицы известны вам? Сообщите нам об этом. «Лесная газета» ждет ваших писем.

Следы медведя, рыси и росомахи! Приглядитесь внимательно к ним и постарайтесь запомнить, чем отличаются они один от другого...

След рыси на черной тропе никогда не кажется слишком большим и грозным — рысь очень аккуратно, как домашняя кошка, подбирает лапы и прячет когти. Зато у медведя след подчас такой большой, что его не удается накрыть шапкой. Пять глубоких канавок от когтей передней лапы и широкая голая ступня задней, похожая на отпечаток босой ноги человека, — таков след медведя, косолапый, порой долго тянущийся по дороге. Такой же косолапый, тоже пятипалый, но гораздо меньше и без отпечатка длинной пятки — след росомахи, редкого и неуловимого зверя.

Сегодня на берегу озера рыбаки лесной деревушки обнаружили след росомахи, а назавтра отыскать его уже не удастся — исчезнет, уйдет росомаха далеко-далеко. Неделю-другую не будет слышно ничего об этом животном, и вдруг снова где-нибудь близко от

поселения встретится вам только что оставленный на лесной тропке след быстрого и скрытного животного.

А вчера на дороге появились следы рыси, но никто не обратил на них внимания. Ну и что — прошла рысь. Рыси теперь в лесу хватает добычи — и зайца много и глухарей, другое дело, когда голодный лесу год, тогда рысь нет-нет да и заглянет к стаду.

И медведь тоже не очень опасный сосед. Это совсем мирный зверь, если его не трогать. Пусть себе бродит по лесу, ну, а уж решит набедокурить, тогда слово за охотниками. И бродит медведь по лесным дорогам, ворошит лапой муравейники, откапывает корни, раскидывает гнилые пни в поисках личинок насекомых, сосет малину по малинникам и оставляет для следопыта, живущего в настоящем глухом лесу, свои огромные неторопливые следы.

Конечно, не всем ученикам нашей заочной школы удастся встретиться со следами медведя, рыси и росомахи, но знать их надо. Чего не бывает в жизни? Наука следопыта может иногда пригодиться.

Вот на таежной тропе охотник находит след медведя. След животного тяжело лег на мокрую белую глину, промял эту глину и оставил на лесной тропке все пять канавок от своих когтей.

Охотник сразу же определяет: медведь совсем рядом, до него каких-то сорок-пятьдесят метров. Если вода еще не успела наполнить след, животное только-только прошло здесь.

А теперь посмотрим, что будет со следом дальше. Вот вода затекла в след и заполнила его до краев. Для этого ей понадобилось, допустим, восемь минут. А что будет дальше? Узнать просто. Ведь вода, которая заполнила след, мутная, побеспокоенная животными, как скажут охотники, и теперь муть должна осесть, вода должна стать такой же прозрачной, как в соседней луже. А сколько на это потребуется времени, как быстро оседает муть на разном грунте, можно засечь по часам.

Чтобы заниматься такими кропотливыми опытами было не так скучно, мы предлагаем юным следопытам интересную игру-тренировку. Наверное, у каждого есть преданный четвероногий друг — собака. Вот она-то и поможет детально изучить науку следопытства. Соберитесь вдвоем или втроем, возьмите с собой собаку и отправляйтесь в лесок, где дорога обычно всегда сырая. Пусть один из вас возьмет собаку на поводок и пройдет по этой дороге вперед метров пятьдесят — семьдесят пять, а потом вернется обратно, стараясь не наступать на следы, оставленные собакой до этого. Можно еще раз пройти взад и вперед и еще раз. Тогда на дороге останется много почти одинаковых следов. Ведущий возвращается обратно и приглашает следопытов пойти за ним, посмотреть следы и точно ответить на вопрос, какой след самый ранний, какой самый поздний. Потом можно задавать и более сложный вопрос. Сколько времени прошло с тех пор, как след остался на дороге? Начните такую игру-тренировку, и вы увидите, как много вопросов возникнет у вас, какие интересные варианты этой игры можно придумать самим. В конце концов можно одному из вас вместе с собакой уходить в лес, петлять, прятаться, а другим разыскивать его по следам.

После занятия-игры обязательно заполните свой дневник, где отметьте то новое, что узнали о следах. И обязательно пришлите нам свои отчеты о занятиях. Тех же ребят, которым удастся увидеть настоящие следы медведя, росомахи, рыси, мы просим написать нам побыстрей и поподробней. В путь, следопыты!

В нашем пионерлагере жил птенец синички. Мы сделали ему из коробки домик. На кустах было много гусениц, и мы кормили ими птенца. Птенец очень скоро привык к нам. Стоило запищать, как он тут же открывал клюв и прыгал навстречу. Птенец уже летал. Раз мы пошли купаться на реку. Когда вернулись, нашего птенца нигде не было. И тут высоко с дерева донесся голос молодой синички. Я запищал в ответ, призывая птенца, и он прилетел. Много раз потом наш питомец улетал, но всегда возвращался на призывный писк. Уезжая из лагеря, мы отпустили синичку и пожелали ей счастливой дороги.

г. Пушкин
Ленинградской области

Женя Пеняев

В начале лета папа принес мне маленькую галочку — она сидела на земле, не умела летать и пищала. Мы ее напоили молоком и посадили в ящик. Сначала она всех боялась, но уже через два дня широко раскрывала рот и громко принималась кричать.

Однажды я взяла ее с собой на прогулку, пустила в траву, а сама отошла в сторону и стала звать ее и хлопать в ладоши. Несколько секунд галочка стояла, прислушивалась к моему голосу, а потом запрыгала ко мне. Когда дошла до меня, взлетела на плечо и стала каркать — просить корм. С этого дня моя галка везде летала сама, а на обед всегда возвращалась.

Через 11 дней у меня появилась вторая галка. Я ее тоже выходила и выкормила. И сейчас обе подружки вместе со мной ходят на огород полоть сорную траву. После работы они получают лакомый кусочек: сахар, зеленый горошек. Вот и сейчас галки прилетели, просят есть. На столе лежат газеты, так они уже за них взялись.

г. Электросталь
Московской области

Надя Иншакова

Помните историю про Шарика и маленьких щенков? Шарик был взрослой сильной собакой, но почему-то позволял щенкам делать с собой все, что они хотели. Почему Шарик даже не огрызался щенкам? — спрашивала я. Тот же самый Шарик бежал по дорожке и увидел мышонка. Обычно Шарик любил ловить мышей. А тут произошло самое необычное — мышонок не убежал, а остановился и повернулся к собачке мордочкой. Шарик неожиданно отступил. Почему? Таков был второй вопрос.

Почти все ответы, которые я получила от вас, были правильными. Да, такое могло быть — Шарик мог не обижать щенков. Да, такое могло быть — Шарик мог не тронуть мышонка. А почему могли произойти такие необычайные события? На этот вопрос самый точный ответ прислал мне Витя Михайлов из Архангельска:

«У большинства животных к малышам существует особое отношение. Малышам позволяется трепать, кусать, щипать, а у обезьян даже дергать за хвост родителей и старших родственников. Все это просто игра. А игра никогда не запрещается малышам. Вот и получается, что Шарик оценивал поступки щенят как игру, потому не отвечал кутятам оскаленными зубами. А когда играть со щенятами Шарику надоело, он просто встал и ушел от них.

Почему Шарик не тронул мышонка, который остановился перед ним? Да потому, что большинство собак привыкло бросаться за добычей в погоню: раз убегает кто-нибудь — значит добыча, надо хватать зубами. А здесь мышонок, может и от страха, взял и не побежал — вот Шарик как будто и смутился — произошло неожиданное: добыча, а не убегает. Какая же это добыча, которая не убегает? Такие случаи бывают часто...»

Ну что ж. Мне осталось только поблагодарить Витю Михайлова за правильные и подробные ответы и перейти к новым вопросам. Сегодня их задает Лена Федорова из села Воронок Брянской области.

«Все лето я жила в небольшом городке. Однажды мы возвращались домой через дубовый лес и возле одного дуба увидели муравейник. Но почему-то в нем не оказалось муравьев. Позже мы видели точно такой же пустой муравейник возле ели. Почему же они пустые? Неужели муравьям не понравился лес или это место? А может, муравьи уже очистили весь участок от вредителей и перешли на другой? Но разве муравьи покидают родной муравейник? Может быть, вы, ребята, знаете ответ на загадку пустых муравейников?

У реки мы развели небольшой костер. Когда мы сидели, я заметила маленького муравья, который тащил крошку от булки. Он торопился домой, но с разбегу попал в траву и застрял там со своей ношей. Но вскоре он поднял ношу и понес дальше. Вот там, в стороне, дом муравья, его муравейник. А на пути костер. Костер дымится, угли пышут жаром, но муравей не сворачивает с дороги и, видимо, через костер собирается попасть в муравейник. Он легко пробегает остывшую золу. С каждым сантиметром зола горячей, а муравей все-таки идет прямо на огонь. Почему муравей не мог обойти костер? Может, его предки носили добычу только по этому пути, где мы неосмотрительно разложили сейчас костер? Может, этот муравей тоже «не имел права» свернуть в сторону и «был обязан» идти кратчайшим путем? Помогите мне разобраться в этом».

Вот какие интересные вопросы задала Лена Федорова. «Лесная газета» ждет ваших писем с ответами.

В ЛЕСУ. Гравюра А. Жабина

КЛАДЫ ЗАВЕТНЫЕ

«Встать пораньше — шагнуть подальше», — говорит пословица. В тот день ребята поднялись до солнышка, чтобы по глубокой росе первыми заглянуть под развесистые еловые лапы. Где ж, как не там, притулиться отменным крепышам, любящим поиграть в прятки с грибниками?

Впереди отряда важно вышагивали Петька и Дениска, за ними Машенька и Оля — известные на весь двор подружки, рядом Егорка и Вова, шествие замыкал сонливый Женя Нестеров.

Когда полевая дорога оборвалась возле поляны и спелая рожь осталась позади, ребята отсчитали по компасу направление и, не сговариваясь, стали расходиться по лесу. Ведь по грибы плечом к плечу не ходят, вразбивку ищут заветные клады.

В березах резвые сборщики первенцами положили в корзины невзрачные, но плотные серушки. Их еще из-за полых ножек называют дуплянками. В редколесье у вытой тропки Дениска нашел красноголовый осиновик. Вот это повезло! Рослый такой, величавый, а шляпка подобрана по краям, не успела распрямиться блином.

— Челыш, — обрадовался Дениска, — молоденький осиновик!

Срезав упругую ножку, грибник почистил трофей, подивился его прелести и уложил клад в пестерку, корзинку, сплетенную из тонкой сосновой щепы.

— А я белый нашла! — прорезал тишину Машенькин голос. — Скорее поглядите!

Боровик осанисто сиял каштановой шляпкой над белым приземистым столбом. Средь майников и закрученных папоротников гриб стоял незаметно, но Машенька шла к старой сосне не одна, а с палочкой. Палочка же в руках грибника как есть выручалочка, чтобы не отбивать попусту поклоны. Ей много ли труда стоит приподнять лапник, заглянув под навес пышной елочки, иль пригнуть рослую траву — не гриб ли там мелькнул? А тут еще румяные листья подделками дразнят, бывает ведь и лист за гриб примешь. И только палочка-развилочка на ум наставит.

— Ищите вокруг, ищите тихо, — командовал Дениска, — белые дружно растут, стойбищами.

Пока Петька возился с фотоаппаратом, Женя успел срисовать Машенькину находку и даже кое-что записать. Он пометил место, облюбованное боровиками, высоту самого большого гриба, поперечник шляпки, толщину ножки, цвет губчатого слоя. И конечно, сопутствующие травы. «Гриб — дитя тени», — сказано было у него в старых записях. Так ли что? Ведь вот самый большой-то на «отскочихе», поодаль, уродился. Но тут Женя смекнул: последнее время грибам дождливо было, ненастно. Зачем же грибам тень, коли и в открытую не жарко? А станет припекать неделю-другую, они будут попадаться у стволов, замшелых пней. Вот и выходит, не зря толкуют: цветок — сын солнца, а гриб — дитя тени.

Чуть отошли от стойбища боровиков, как впереди показался великолепный красный мухомор. Само собой, за грибом этим, как и за истощенными разномастными поганками, никто из людей не охотится, но и разрушать его без толку никак нельзя. А вот Вовка, видно, другого мнения. Только увидел он несъедобный гриб, как тут же бросился к нему и замахнулся ногой, будто перед ним не хрупкое создание природы, а мяч кожаный.

— Не смей! — остановил озорника Дениска. — Постыдись, браконьер.

— А ты что, собираешь их? — пытался съехидничать Вовка.

— Другие собирают. Обязан знать, что в лесу нет ничего лишнего. Мухоморы тут тоже не для того, чтоб их пинать. Ими ведь лоси лечатся. А может, и другим зверям мухоморы нужны.

Вовка сконфуженно отвернулся. Ребята углубились в лес, рассыпавшись цепью. Клады заветные, откройтесь!

Незаметно шло время. Солнце уже поднялось над деревьями, а ребята все не бросали охоту. И только когда в лесу стало душно и совсем сухо, из лога разнесся Денискин клич: «Схо-ди-тесь!»

Грибники потянулись на голос. Поставили корзинки на прогалину меж двух корявых елей, осмотрели содержимое и затараторили о своих находках. Всех радостнее была Оля, в ее ивовом лукошке сверху лежала тройка свежих подберезовиков. Два обабка — так еще можно называть эти грибы — были в темно-бурых беретах, а третий — русый.

— Вот вам и опенки! — Егорка приподнял в руке целый букет длинноногих, с распростертыми шляпками чешуйчатых грибков. На вид они были серые, с темной макушкой, на ощупь — суховатые.

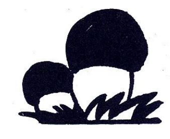
— А у тебя-то что, Вовка? Девочки, он поганок набрал!

— Подожди, Оля, ты не права. — Дениска повертел, понюхал причудливый гриб, похожий на куриный гребешок, и громко объявил: — Булавница, желтый рогатик! Бывает и покрупнее.

— Вовка грибное счастье нашел, — подхватила Машенька.

Собрались домой. Только теперь каждый почувствовал, что корзины их совсем нелегки. Ведь в них доверху лежали лесные клады.

А. СТРИЖЕВ

Щедроты августа несметны. Оттого-то он и «густарь»: всего густо и в поле и в лесу. Теперь уже вся грибная свита высыпала на лесные просторы. И все-таки самым дорогим трофеем по-прежнему остается белый гриб, боровик. Густо окрашены и отменно туги еловые боровики. Под березами и дубами шляпка боровика побледней. Белые грибы не встречаются среди осин и в молодых посадках.

•

Сыроежки. Кто их не знает — разномастных, хрупких, зовущих отовсюду? И при очень удачной «охоте» в корзине грибника всегда найдется место для славных сыроежек.

•

«Грибной лапшой» называют желтый рогатик. Попадается редко, зато обильно.

•

В конце лета в лесу появляются скопища опенков. Их встретишь и в траве около деревьев, и на корнях, выступающих из почвы, и, конечно, на пнях, потому они так и называются.

На съедобный опенок несколько похож ядовитый двойник — ложный опенок. Съедобный опенок никогда не растет на почве (если и попадается среди травы, то микориза его связана с корнем дерева). Шляпка опенка сухая, неяркая, на ножке кольцо. Ядовитый двойник — ярко-желтый, красный или серо-зеленый и без пленчатого кольца на ножке.

Дождевик в шутку прозван «заячьей картошкой». Мякоть тугая, белая. Грибники собирают дождевики только молодые. Встречаются эти грибы в лесу, на лугу и пустошах.

Чернильный гриб, или навозник, мало кто считает съедобным. Между тем он вкусен в жарком. Стандартами отнесен к четвертой категории, где поставлен в ряд с подмолочниками, свинушками и рядовками.

Растет чернильный гриб в садах, на межах, за скотными дворами. Попадается

помногу. У молодых грибков шляпка спадает на ножку и пластинки внизу белые или чуть розовые. У старых — шляпка распрямляется в зонтик, а пластинки чернеют. Собирают только молодые грибочки.

Различают навозник белый и серый. Серый навозник от белого отличается более гладкой шляпкой, темночешуйчатой верхушкой с буроватым оттенком и общим серым тоном.

Навозники — грибы нежные, и хранить их нельзя. Старый, пропавший гриб превращается в жидкость, похожую на чернила. Отсюда и его название. Когда-то эту жидкость тайно добавляли в чернила, которыми подписывали особо важные бумаги. Наличие на подписи спор такого гриба подтверждало ее подлинность.

●

Большим почетом у грибников пользуется подосиновик, по-другому — красник. Его не спутать ни с каким грибом. В осинниках подосиновик чаще всего попадется с красной шляпкой и белыми хлопьями чешуек на ножке, в березняках и среди сосен его шляпка окрашена в буровато-желтый цвет, а ножка покрыта черными чешуйками. Мякоть подосиновика на изломе темнеет.

По соседству с осиновиком — белый гриб.

●

Всем обликом мухомор так и говорит: ядовит — не берите. Да его никто и не собирается брать — пусть красуется в лесу.

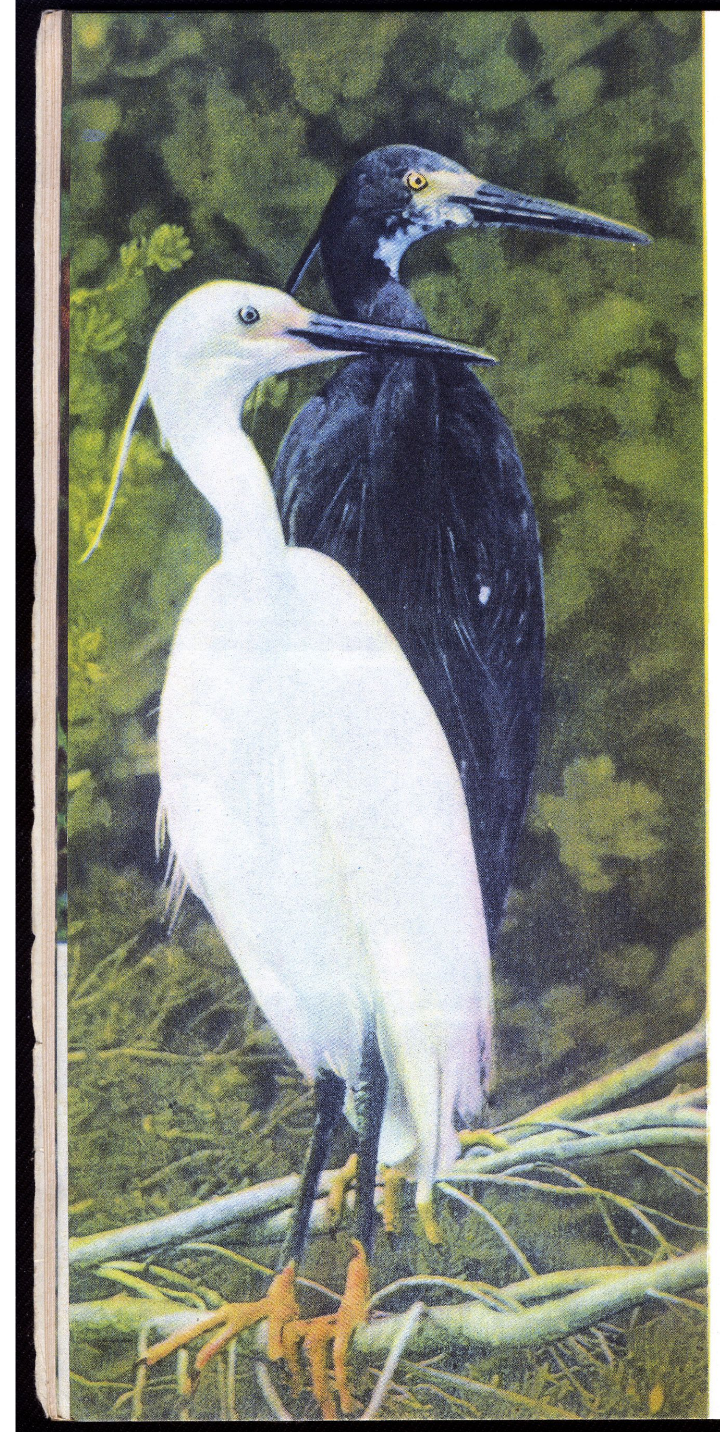
●

Эту худосочную, хилую поганку никто не возьмет.

Фото Н. Бохонова, И. Константинова, Р. Воронова, В. Гуменюка

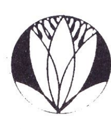

Малая белая цапля гнездится в Южной Европе от Португалии и Испании до низовий Волги и в Азии от Малой Азии до берегов Желтого моря и Японских островов. На юге от этого материка она расселена вплоть до северных частей Австралии. Эта цапля гнездится в Африке и по всему Мадагаскару. И повсюду она оправдывает свое название — белая цапля, так как общая окраска взрослых птиц действительно снежно-белая. Только клюв у этой птицы черный, у основания желтый, ноги темные и довольно яркие пальцы. Правда, в Восточной Африке и на Мадагаскаре люди знают эту птицу и в другом обличье: она там свое название — белая цапля — не всегда оправдывает. В Африке этим птицам свойствен так называемый цветной диморфизм, явление, характерное для некоторых других птиц, например поморников, сов. В Африке среди малых белых цапель не так уж редки особи, имеющие не белую, а темную расцветку оперения, чаще серую, иногда даже черную. Белая «белая» цапля и черная «белая» цапля нисколько не смущаются такой резкой разницей в своем цвете и относятся друг к другу так же, как относятся к представителям своего вида и все другие птицы, имеющие одинаковую расцветку.

Н. ГЛАДКОВ,
доктор биологических наук

●

Ярок и необычен мир. Попробуй-ка рассмотри его весь! А тут еще нужно запомнить, кто враг, а кто друг. Зайчонок этот еще маленький, но самостоятельный. Он не знает, кто его мама, и сам заботится о себе. И все-таки ему повезло. Он родился летом. Зайчата, которые рождаются осенью, листопаднички, успевают вырасти к зиме, но они не увидят столько интересного в лесу, сколько увидит наш зайчонок.

ОКАПИ

В 1900 году Джонстон, чиновник из Уганды, помог скрыться пигмеям, которых хотели насильно отправить в Париж на Всемирную выставку. Пока туземцы сидели в его доме, Джонстон расспросил их, не слышали ли они про одного таинственного зверя, который похож на лошадь, только с кисточкой на кончике хвоста и витым рогом посредине лба.

Да, конечно, они ловили таких зверей, загоняя их в ямы-ловушки. Это окапи. Когда Джонстон спросил их, на каких известных животных они походят, пигмеи показали на полосатую зебру, так как, по их словам, ноги окапи и круп — полосатые, как у зебры, уши длинные, как у мула. В науке подобный зверь не был описан.

«Я с нетерпением ждал случая отправиться на поиски интересного животного, — рассказывал Джонстон. — Я был уверен, что окапи — своего рода лошадь, может быть, даже потомок античной лошади. На второй день похода у лесного ручья мы набрели на следы зверя с раздвоенными, вилкообразными копытами. Туземцы утверждали, что это след окапи и надо идти дальше. Я возражал. Меня интересуют, говорил я им, следы с целым, нераздвоенным копытом.

Туземцы были озадачены, но настаивали на своем. В деревне, где мы расположились, я обратил внимание на то, что одежда жителей украшена красивой кожей, пестреющей самыми разными цветами: черным, коричневым, оранжевым, кремовым. Я спросил, чья это шкура, и туземцы в один голос заявили, что это шкура все того же окапи.

Я заколебался. Идти дальше или возвращаться? К сожалению, за меня решили обстоятельства. Мне пришлось срочно покинуть Конго».

Помог Джонстону лейтенант Эриксон. Он прислал ему шкуру и два черепа окапи. Животное назвали «окапи Джонстона», а сам Джонстон был награжден Золотой медалью Зоологического общества — наградой, которую получили всего лишь пять ученых за целое столетие!

На первый взгляд сходство между окапи и жирафом кажется весьма отдаленным. Спор решили рога. У оленей, антилоп, а также домашних животных они являются наростом на черепной коробке. Маленькие же рожки жирафа существуют как бы самостоятельно, они движутся вместе с кожей на лбу и, по существу, являются утолщением этой кожи. Именно такие рожки у окапи.

На этом сходство, пожалуй, кончается.

Окапи живет в густых лесах, куда свет едва проникает. Темная окраска с просветами делает его почти неразличимым среди лиан и низкой растительности. Живи окапи на равнине, он был бы заметен даже на горизонте. В лесу слух намного важнее зрения — и близорукий окапи великолепно улавливает малейшие шорохи своими большими подвижными ушами.

Окапи чрезвычайно осторожен и боязлив. Мало кто из европейцев, даже специалистов, может похвастаться, что видел этого зверя на свободе. Нет ни одной фотографии окапи в естественной среде. Подобраться к нему почти невозможно. Зато в зоопарках он чувствует себя превосходно, охотно заводит семью. В Парижском зоопарке, например, есть довольно солидное стадо этих причудливых животных, так долго скрывавшихся от науки.

Дж. ДАРРЕЛЛ

ВИЛЬГЕЛЬМИНА

Узнав, что я собираю диких зверей для зоологических садов, люди всегда задают мне одни и те же вопросы и обязательно в одном и том же порядке. Вначале они спрашивают, опасно ли это. Когда на этот вопрос следует ответ: нет, не опасно, если только не допускать каких-нибудь глупых ошибок, они интересуются, как я ловлю животных. На этот вопрос ответить уже труднее. Существует несколько сотен способов ловли диких зверей. Иногда даже приходится обходиться вообще без какого-либо метода или определенного способа. Третий вопрос неизменно гласит: бывали ли у вас случаи, когда вы привязывались к вашим животным настолько, что вам было трудно расстаться с ними. На это я отвечаю: да, конечно. Временами даже можно поймать себя на мысли, что вы привязались к самой странной твари, которая вам в другом случае не только не могла бы понравиться, но о которой вы даже и думать не захотели бы. Одним из таких животных, вспоминаю я, была Вильгельмина. Если бы кто-нибудь сказал мне раньше, что придет день, когда я испытаю хотя бы даже самые отдаленные признаки привязанности к этому паукообразному животному, я ни за что бы ему не поверил. Из всех живых существ, обитающих на нашей планете, фрин, пожалуй, меньше всего располагает к себе.

Представьте себе похожее на паука животное величиной с грецкий орех, по которому проехался дорожный каток и расплющил его до толщины водяной пленки. К этой пленке прикреплено множество длинных, изогнутых и тем не менее красивых ног. В довершение ко всему впереди, если только можно сказать, что такая

тварь имеет перед, находится пара безмерно длинных и стройных, похожих на хлысты педипальп. Это существо обладает способностью носиться по дереву с невероятно большой скоростью, едва касаясь его своими ногами и, как видно, не прилагая к этому почти никаких усилий. Оно одинаково легко бегает вверх, вниз или в стороны и способно вжимать свое тело в какую-нибудь трещину, куда едва удалось бы втиснуть клочок папиросной бумаги.

Вот что такое фрин. Для тех, кто недолюбливает пауков, он кажется олицетворением самого дьявола. К счастью, это животное безвредно.

Я познакомился с семейством Вильгельмины, когда путешествовал в поисках животных по тропическим лесам Западной Африки. Охота в этих лесах всегда трудна, хотя бы потому, что деревья там буквально гигантские. Некоторые из них достигают высоты сорока пяти и больше метров, а стволы их толсты, как фабричные трубы. Крона густа, пышна и перепутана ползучими растениями, а сучья украшены многочисленными лианами-паразитами и напоминают прелюбопытнейший висячий сад, который красуется на высоте двадцати пяти или тридцати метров от лесной подстилки. Единственный способ добраться до него — карабкаться по гладкому, как доска, стволу. Устанавливать ловушки под самым куполом леса — дело трудное и утомительное. Иногда можно потратить полдня только для того, чтобы найти способ забраться на одно из этих деревьев. Потом еще надо прикрепить ловушку. И как раз в тот момент, когда вам удается благополучно спуститься на лесную подстилку, ваша ловушка с торжествующим лязгом срывается, и вам ничего не остается другого, как вновь приняться за работу.

Пожалуй, один из наиболее успешных и волнующих методов охоты — выкуривание животных из стволов гигантских деревьев, внешне вполне здоровых, а внутри насквозь пустотелых. Правда, дело это очень трудное. Для начала, если это необходимо, охотник должен увеличить размеры входного отверстия в нижней части ствола и сложить около него небольшую кучку сухого хвороста. Затем два охотника лезут на дерево и закрывают сетями все щели на верхней части ствола. Когда все готово, поджигают приготовленный хворост, и, как только костер разгорится, на него сверху наваливают большую охапку свежих зеленых листьев. Пламя исчезает, зато образуется целый столб густого и едкого дыма. Гигантское дупло внутри дерева действует как мощный дымоход. Дым от костра быстро втягивается внутрь и уносится вверх. Его крошечные струйки самым таинственным образом появляются в различных местах дерева, завиваются кольцами, вырываясь из почти невидимого дупла. Не успеют задымить трещины на середине ствола, как начинается массовое переселение его жильцов. Первыми выползают улитки величиной с яблоко, за ними фантастически раскрашенные, негодующие лесные жабы. Это жители первого этажа. После небольшого перерыва появляются похожие на сосиски многоножки — глуповатые и совершенно безвредные существа — обитатели средних этажей. Вырвавшись, они немедленно устремляются вперед, порой неизвестно куда. Иногда передние их ноги уже болтаются в воздухе, а задние все еще продолжают идти по твердой опоре, пока тела не согнутся под тяжестью собственного веса. Почувствовав что-то неладное, многоножки дают «задний ход», смешно болтая десятками передних ног в воздухе.

Сразу же после многоножек из дупла дружно выскакивают жители верхних этажей дерева. Тут и черноухие белки с огненными хвостами, и гигантские серые сони, а иногда, удивленно глядя на мир огромными невинными глазами, появляются и галаго с очень худыми и трясущимися, как у древних старичков, лапками-руками. За ними спешат летучие мыши: одни — с большими прозрачными ушами, другие — ярко-рыжие, с черными закрученными вниз ушами и почти поросячьим пятачком. И наконец, вдруг и отовсюду появляются фрины. Стремительные и легкие, особенно когда втискиваются в тончайшие трещинки ствола, чтобы неожиданно показаться метра на три ниже с очевидным намерением исчезнуть в рубашке охотника.

Как-то я заметил фрина, который показался мне совершенно необычным: он был покрыт словно зеленым меховым плащом, который почти полностью закрывал его шоколадное тело, да и пробиралось это существо медленно и осторожно, не прыгая во все стороны и не делая стремительных рывков. «Может быть, старый?» — подумал я.

К моему удивлению, оказалось, что зеленое покрывало всего-навсего крошечные детеныши. На фоне темного тела матери они сверкали ярким зеленым цветом. Так вот в чем дело! Медленная поступь фрина — не что иное, как боязнь растерять детей.

Я поймал самку и поселил семью в просторном ящике, набитом обломками коры и листьями. Каждое утро я осторожно туда заглядывал. Первое время, когда мне приходилось приподнимать обломок коры, под которым пряталось все семейство, самка торопливо удирала по боковой стенке. Я невольно подпрыгивал и стремительно

Рис. В. Карабута

захлопывал крышку. Даже боязнь придавить ей ноги не могла заставить меня быть хладнокровным. К счастью, через несколько дней самка привыкла ко мне и не обращала на меня ни малейшего внимания, когда я заменял листья. Привык и я.

Через два месяца детеныши слезли со спины матери и разбрелись по ящику. Они росли, их зеленая окраска менялась на коричневую. Каждый раз, когда малыши становились слишком велики для своей кожи, она лопалась у них вдоль спины, и детеныши вылезали из нее чуть более крупными и коричневыми.

Кормить семью было нетрудно. Мать с жадностью набрасывалась на любую пищу, будь то небольшие кузнечики или крупные жуки. Детеныши были более разборчивы: требовали небольших паучков, слизней и другую легко перевариваемую пищу.

Казалось, все шло хорошо. Но однажды, когда я был на охоте, разразилась катастрофа.

Ручная обезьянка-гусар которую я держал на привязи под тентом, перегрызла веревку и учинила в лагере инспекторский осмотр. Никем не замеченная, она съела связку бананов, три плода манго и четыре крутых яйца, разбила две бутылки с дезинфицирующей жидкостью и, завершая свой рейд, сбила на пол ящик с фринами. Ящик развалился, фрины рассыпались по земле, а обезьянка — создание с необъяснимыми повадками — принялась ловить их и отправлять в рот. К тому времени, когда я вернулся в лагерь, она была уже надежно привязана и страдала от жестокого приступа икоты. Разгром был полный.

Ругая последними словами обезьянку, я подобрал с земли развалины ящика, проклиная и себя за то, что оставил фринов без присмотра. Вдруг, к неописуемой своей радости, я заметил притаившегося в куске коры единственно уцелевшего после этой бойни детеныша. Аккуратно пересадив его в несколько меньшую, но более прочную клетку, я дал ему слизней и окрестил малышку безо всякой связи с прошедшими событиями Вильгельминой.

Днем фрин был вялым и безжизненным, вечером преображался. Величаво вышагивая по клетке, Вильгельмина держала наготове свои клешни. Длинными передними ногами, словно усами, она ощупывала дорогу. Я видел, как Вильгельмина, стоя у добычи, взмахивала педипальпами. Они у нее то вздрагивали, то замирали, будто фрин принюхивался или прислушивался.

По мере того как Вильгельмина подрастала, я давал ей все более крупных насекомых. Оказалось, она отчаянно смела. Отвагой Вильгельмина напоминала драчливого терьера, который тем охотнее рвется в драку, чем крупнее противник. Восхищаясь ее отвагой, я однажды поступил неосмотрительно, посадив в клетку к ней крупную саранчу. Ни секунды не колеблясь, Вильгельмина набросилась на нее и зажала клешнями. В тот раз мне пришлось сильно поволноваться. От мощного рывка саранчи животные взлетели вверх, врезались в проволочную сетку крышки и вместе рухнули на пол. Это не испугало Вильгельмину. Она продолжала крепко сжимать в своих объятиях саранчу. Наконец та выдохлась, и Вильгельмина быстро покончила с ней.

После этого случая я стал внимательнее отбирать для нее пищу и старался давать Вильгельмине небольших насекомых, помня, что схватка с саранчой не прошла для нее даром: несколько переломов было на ноге и на одной из педипальп.

Постепенно я все сильнее привязывался к Вильгельмине и даже начал гордиться ею. Ведь она была, как я полагал, единственным в мире фрином, которого содержали в неволе. А самое главное, она стала совершенно ручной: нужно было только слегка постучать пальцами по стенке клет-

ки, как Вильгельмина тут же появлялась из укрытия, замахиваясь на меня педипальпами. Затем, если я опускал в клетку руку, она забиралась на ладонь и спокойно сидела, пока я кормил ее слизнями, которые ей нравились больше всего.

Пришло время готовиться к отъезду. Я забеспокоился. Ведь нам предстояло двухнедельное путешествие, а я не мог заготовить Вильгельмине насекомых на такой длительный срок. Поэтому я решил попытаться приучить ее есть сырое мясо. Я потратил много времени, прежде чем добился своего. Я научился так соблазнительно покачивать кусочком мяса перед ней, что Вильгельмина не выдерживала и хватала его.

Когда мы ехали на грузовике к пристани, она была спокойна. Оказавшись в непривычной обстановке на судне, Вильгельмина чуть помрачнела, но, вероятно, морской ветер оказал на нее благотворное влияние. Вскоре она стала даже чересчур игривой. И в этом была ее погибель.

Как-то раз, когда я пришел покормить ее, Вильгельмина взлетела мне на рукав так стремительно, что я даже не успел сообразить, что именно произошло. С рукава она упала на крышку люка и уже собиралась, любопытная, протиснуться через щель в трюм, когда наконец я опомнился и ухитрился схватить ее. После этого я кормил Вильгельмину очень осторожно.

Однажды вечером Вильгельмина тянулась ко мне педипальпами настолько трогательно, что я вынул ее из клетки, посадил на ладонь и стал угощать. Все шло хорошо, как вдруг совершенно для меня неожиданно она высоко подпрыгнула. Бедняга не могла выбрать для своего прыжка более неудачного момента: в тот же миг над судном с шумом пронесся сильный порыв ветра. Мелькнули ее беспомощно развевающиеся педипальпы, и Вильгельмину понесло над бортом. Я ринулся к лееру и свесился над бездной, но разве увидишь ее среди пенящихся волн. Поспешно схватив опустевшую клетку, я швырнул ее за борт в наивной надежде, что Вильгельмина сможет найти этот спасательный плот. Глупо, я знаю это, но я не мог тогда и думать, что она утонет без борьбы. Как я ругал себя за свою оплошность! Никогда не думал, что так сильно буду переживать утрату этого создания. Я очень привязался к ней. Она тоже доверяла мне. И вот итог — трагически закончившаяся дружба. Но в этой столь печальной истории есть одно утешение: после знакомства с Вильгельминой я никогда уже не буду относиться к фринам с былым отвращением.

Перевод с английского
Н. Новобытовой

Лесной оркестр

В лесном оркестре есть один главный инструмент — листья. Но играет на нем лесной музыкант — ветер по-разному. Если ему лень, он слегка ударяет лист о лист или лист о ветку. Если он вздумает дунуть сильнее, то около каждого листика закружится и зазвенит небольшой «воздуховорот».

Какие же именно звуки издает лес? Чтобы выяснить это, советский ученый В. И. Арабаджи сначала «прослушал» ветки в акустической лаборатории, а затем отправился в лес со специальным прибором — анализатором шума.

Этот прибор не только улавливает звуки, но и сообщает о частоте колебаний воздуха, которые эти звуки производят. Он разлагает слитный шум на составные части, выделяет в шуме высокие и низкие звуки — быстрые и редкие колебания воздуха.

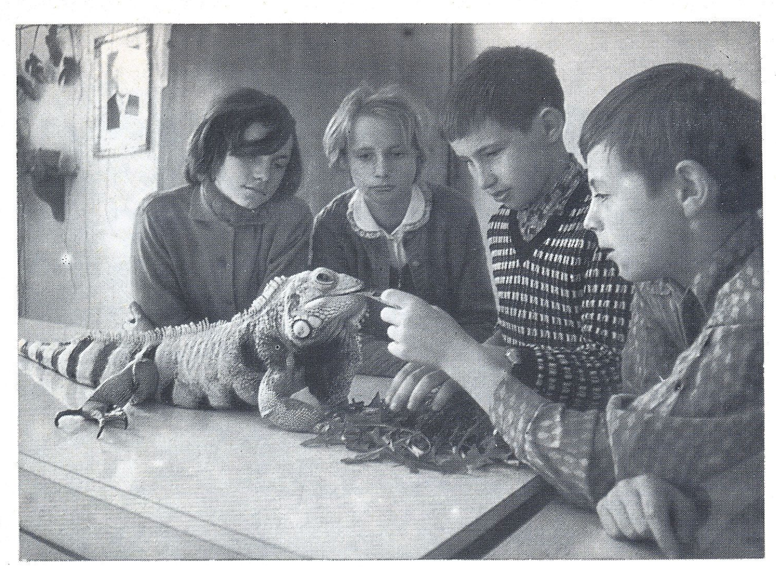
Прибор рассказал ученому, что в шуме свежих листьев дуба, клена, березы, осины, ясеня и тополя есть два максимума, два участка самых сильных колебаний: в области очень низких звуков (лесной «бас») и в области звуков высоких. При этом сухие листья издают более высокие звуки, чем свежие.

Прибор рассказал еще и о том, что, кроме слышимых звуков, ветер исторгает из леса такие звуки, которые человеческое ухо уловить не может. Это очень редкие колебания воздуха — инфразвуки. И вот что интересно: инфразвуки распространяются в приземных слоях воздуха и в земной коре на очень большие расстояния от шумящего леса. А когда по земной коре распространяются колебания, то кора слегка колеблется — происходит ничтожное по силе, но все же землетрясение.

Листья не только издают звуки, но и поглощают их. При этом поглощаются звуки листвою разных деревьев не одинаково. Если изучить природу лесного шума, то можно заранее выяснить, какие виды деревьев лучше приспособлены для того, чтобы глушить шум автомобилей, а какие — сильнее поглощают производственные шумы, грохот станков.

Акустика леса поможет градостроителям создавать в городах благоприятный акустический климат.

С. ВЛАДИМИРОВ

ВАРАН НА ЛУЖАЙКЕ

Встреча в пустыне с вараном вряд ли удивит. Но, увидев на лужайке перед школой серого варана, любой остановится в изумлении.

Школа эта находится в Чехословакии, в Хлуме у Тржебоне. Давно уже хлумские юннаты занимаются изучением жизни пресмыкающихся. Сначала в школьном террариуме было несколько ящериц и неядовитых змей, которых ребята привезли после школьных каникул. Потом решили выписать из зоопитомников экзотичных животных. Акклиматизируются ли они?

Первым прибыл в школу серый варан. Сколько радости было у ребят! И сколько сразу возникло вопросов! Чем кормить? Где поместить?

Этот высокий красивый ящер съедал шесть мышей в один присест.

Зиму варан проспал в своем ящике, а весной, как только ласково пригрело солнце, его выпустили на свободу. Ребята поочередно «пасли» варана. Он гордо прогуливался по траве, нежился на солнце и, казалось, не обращал на ребят никакого внимания. Но стоило только приблизиться к нему, он страшно надувался, широко раскрывал пасть и громко шипел.

После серого варана кружок получил тропических ящериц и маленького широконосого каймана. А вскоре юннаты начали акклиматизировать австралийских сцинков, зеленых легуанов и хамелеонов. Работа была успешной. Зеленые легуаны, например, выросли до полутора метров, а кайман стал таким гигантом, что его пришлось отдать в зоопарк.

Сейчас занятия в террариуме продолжаются. Юннаты с любовью относятся к своим питомцам, ведут дневники наблюдений.

Чехословацкая
Социалистическая Республика

ИРЖИ НИЕДЛ

— **Дорогие друзья Почемучки! Пролетел месяц, и мы снова встретились на заседании нашего Клуба.**

Без лишних слов приступим к делу. Как вы, вероятно, заметили, в последнее время я стал странно немногословен. Я предпочитаю слушать не менее бывалых путешественников. И представьте себе, я сделал небольшое открытие: иногда гораздо полезней слушать других, чем говорить самому, ибо во всякой содержательной беседе великолепнейшим образом удовлетворяешь свое любопытство.

Итак, позвольте мне вернуться на несколько месяцев назад. Именно тогда была снаряжена самая многочисленная лесная экспедиция. На лыжах и без них, группами и в одиночку в зимний лес уходили люди. Это были вы, члены Клуба Почемучек. Да, да, вы, конечно, уже догадались: я имею в виду не что иное, как одно из заданий Почемучкам: взять интервью у зимнего леса.

И пусть не будет среди вас таких, кто думает, что старый болтун Мюнхгаузен бросает слова на ветер. Нет, друзья мои, я не забыл о зимнем задании. И доказательство тому — сегодняшнее заседание Клуба.

Первыми говорят те, кто побывал в лесу и сумел кое о чем расспросить его.

Здравствуй, лес!

Хоть живу я и рядом с лесом, но не догадывалась расспросить его, как он живет.

И вот, выбрав морозное солнечное утро, я иду в лес. Из-под зимнего одеяла выглядывают маленькие елочки, которые ждут не дождутся весны. Высовывают лишь одни головки, чтобы поглядеть на яркое, но холодное солнце, на белые пушистые облака, которые плывут по голубому небу, как кораблики по морю.

Тихо! Вы слышите, шумит лес.

Шумит? Нет, это старые ели и сосны поют колыбельную песню деткам-елочкам, которые высунули свои непослушные головки из-под мягкого одеяла.

— Здравствуй, лес и все лесные обитатели!

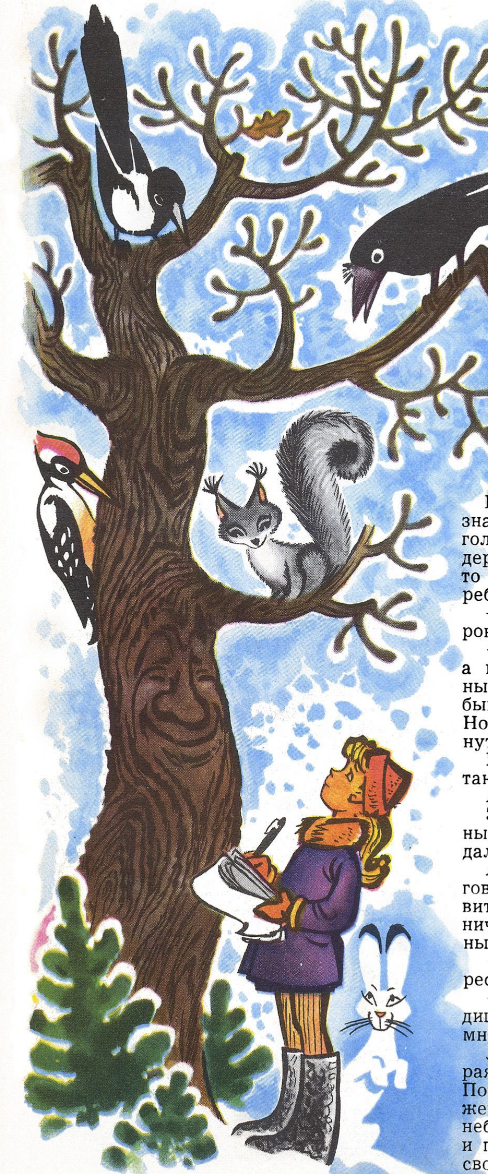
Я слышу, как он радостно ответил мне, а ели протянули колючие веткируки.

— Пинь-пинь! — ответила мне синица.

— Тук-тук! — где-то недалеко поздоровался дятел.

Я посмотрела на синичку и спросила, не голодно ли ей этой зимой.

— Пинь, пинь-чере-ре, пинь-пиньчере.

В переводе с птичьего языка это значит: «Нет, эта зима для меня не голодная, посмотри, сколько шишек на деревьях, а когда я очень захочу есть, то лечу к кормушке, которую сделали ребята».

— А как ты живешь, дорогая ворона?

— Карр, во-первых, я не ворона, а ворон, посмотри, ведь я совсем черный. А живу я, как и все мои родичи, бывает, хорошо, бывает, и плохо. Но сейчас я сыт и присел здесь отдохнуть.

Ворон остался очень доволен, что так ясно изложил свои мысли.

А я пошла дальше.

Зимушка-зима одела лес в прекрасный сказочный наряд. И всем деревьям дала одежду по размеру.

А сколько шишек на елях! Правду говорила синичка: есть чем тут поживиться белке, дятлу, клесту, и ей, синичке, найдется здесь лакомое зернышко.

— Лес, расскажи что-нибудь интересное, — прошу я.

— Посмотри по сторонам, и ты увидишь все, что захочешь, — ответил он мне.

Я оглянулась. Вот стоит могучая старая ель, около нее тянется дорожка. По ней недавно ехала лошадь, запряженная в сани. А здесь с воза упал небольшой клочок сена. Этим сеном и перекусил зайчишка, оставив на снегу свои следы.

Я иду по тропинке. Скоро подхожу к старому мудрому дубу. Сейчас он спит. И его покой бережет ель, которая растет в трех шагах от него. Это верные друзья.

Лес спросил у меня, что я пишу в блокнот. И когда узнал, что я хочу стать членом Клуба Почемучек, то очень обрадовался, ведь я объяснила: в Клубе принимают участие те ребята, которые любят и охраняют природу и ее обитателей. И лес рассказал мне вот что:

— Я красив в любое время года, и мне очень весело, когда люди приходят ко мне и любуются моими деревьями. Но тяжело становится у меня на душе, когда некоторые из них приходят под Новый год и безжалостно вырубают самую лучшую елочку, не задумываясь над тем, что ради своего удовольствия они губят деревце, которое росло несколько лет и украшало лес. Или еще хуже: вырубив елочку, человек находит у нее «недостатки», выбрасывает и начинает рубить другую. А после Нового года в лесу можно насчитать большое число погубленных елочек. Вот какая у меня обида. Посоветуйте, друзья-Почемучки, как сделать, чтобы вот так, зря не пропадало богатство.

г. Орша **Ира Готовкина**

Неудавшееся интервью

— Скажи, ручеек, как ты тут поживаешь зимой? Не холодно ли тебе? — спросила я, войдя в лес.

— Некогда, некогда мне с вами рассуждать, — зазвенел тоненьким голоском наш знакомый, — пока тут с вами проговоришь, мороз того и гляди скует. Поговорите вон с березой или орешником.

Я и хотела было поговорить с березой, а она молчала. Летом, когда у нее много листиков, береза любит поболтать с соседкой. А сейчас...

С орешником тоже разговор не получился: в ответ на мои вопросы он скрипел и все вздыхал жалобно. Да и впрямь трудно ему, бедняге. Осенью принес добрый орешник много-много орешков, упакованных в нарядные фартучки по два-три, а то и четыре вместе. Пришли злые люди и вместе с орешками обломали ветви нашего доброго друга. А уж какой он был красивый прошлым летом! Не стал орешник с нами разговаривать: уж очень обижен он на людей.

Так что, уважаемый Мюнхгаузен, интервью на этот раз у меня не получилось.

г. Воронеж **Люба Синицына**

Кто идет?

— Ш-ш-ш, — еще издали слышно, как шумит бор.

— Кто идет? — спрашивает он.

— Юные натуралисты. В гости к тебе пришли. Уважаемая сосна, расскажи нам о себе.

— Это было двадцать лет назад. Тогда здесь царствовало болото. Сюда приезжали охотники, чтобы пострелять уток. Мне было тогда 255 лет. Но скоро пришло сюда много людей, они привезли странные машины, которые называли экскаваторами и тракторами. Машины рыли канавы к реке Старице, которая впадает в Иртыш. И болото высохло. А вокруг стали вырастать, как грибы в лесу, дома.

п. Сумкино
Тюменской области **Таня Черноногова**

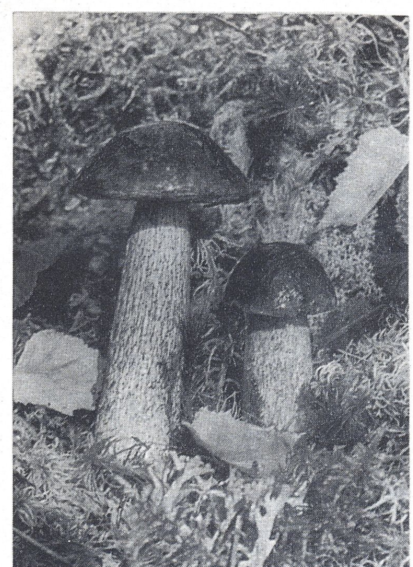
— Коль скоро речь зашла о письмах, я позволю себе сделать одно важное замечание.

Читая адресованные мне письма, я заметил, что некоторые члены Клуба, пользуясь правом задавать любые вопросы, присылают их в одном письме множество. Очевидно, авторы писем предполагают, что количество любых вопросов дает право считаться самым любознательным. Увы, нет. Вы ошибаетесь, ибо забыли наш уговор. Напоминаю: вопросы, присланные в Клуб Почемучек, должны быть оригинальными, действительно редкими, а не случайными, а то и вычитанными из книг.

Самые любопытные вопросы, как мы и условились, будут объявляться на заседаниях Клуба. На другие вы получаете ответы в письмах. Только прошу извинить меня, если я не сразу пришлю ответ. Писем очень много (и это замечательно!), но я не успеваю всем ответить сразу. Прошу не обижаться.

Долго я ломал голову над тем, как быть с остальными лесными сообщениями. Их много, и каждое из них весьма любопытно. Признаюсь, даже моя фантазия, увы, ничего не смогла мне подсказать.

И только наше уважаемое жюри нашло отличный выход из этого положения: поблагодарить всех без исключения Почемучек за выполнение этого задания. Что я и делаю с величайшим удовольствием.

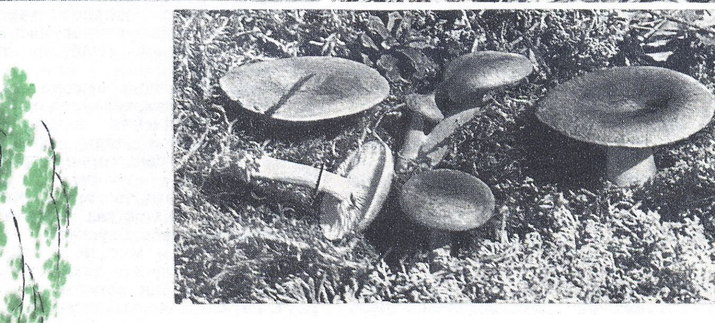

Рис. Е. Позднева

Фото Б. Тимофеева

— Ваш старый друг Мюнхгаузен, простите, никогда не бродил по лесу с лукошком, ибо не предполагал, что столь обычное занятие, как сбор грибов, может быть сколько-нибудь удивительным. Но, кажется, мне придется забрать свои слова обратно. Причина тому...

Грибные портреты

Природе иногда хочется не только порадовать, но и удивить человека своими причудами. На снимках самые распространенные в наших лесах грибы. Однако под влиянием каких-то особых частных причин для условий эти грибы выросли не совсем привычными для нас.

На этом снимке подберезовики черноголовые. Но братишки получились настолько не похожими на обычные подберезовики, что руками разводить приходится.

Бывают в лесу и такие близнецы... Их зовут подосиновиками.

Ни дать ни взять: папа, мама и я. Про них в лесу частенько говорят неуважительно: «На безгрибье и этот гриб...» И ведь напрасно обижают горькушек — для солки они отличное «сырье».

— Не стану пересказывать то, о чем вы сейчас услышите. Однако не лишу себя удовольствия еще раз напомнить: чем чаще человек удивляется и задает себе вопрос «почему?», тем чаще он делает самые невероятные открытия. Поверьте, это истинная правда.

Для чего каштану иголки?

Поглядите на плод каштана: ежик да и только. Правда, он коричневый, но колется так же. И представьте, иголки ему нужны, как и настоящему ежу, чтобы защищаться от врагов, от непрошеных гостей. Потому что до поры до времени, пока не созреет каштан, совсем нежелательно, чтобы ими, вкусными, полезными, лакомились лесные звери. Вряд ли кто из них решится раскрыть «ежа».

Но постепенно зеленые колючки желтеют, становятся коричневыми. «Ежики» созревают и падают на землю. Под деревьями образуются сплошные ковры из «ежиков», так что по такому лесу босиком не погуляешь.

Упав на землю, плоды растрескиваются. Какие они блестящие, каштановые! Вот теперь подходи и собирай! В южных лесах каштан — одно из любимых лакомств многих животных. На юге Италии, во Франции, на Корсике люди мешками собирают каштаны. Плод мучнистый, и его перемалывают на муку. Каштановая мука очень вкусная. Не хуже и вареные каштаны.

На юге Европы очень любят каштаны и даже вывели культурные формы каштанов — мароны. Плоды у маронов крупнее и вкуснее.

Но не только полезными плодами славится каштан. Необыкновенно прочна древесина каштана, и, главное, она не поддается гниению. В Западной Грузии, где очень влажно и дерево быстро разрушается, дома строят из древесины каштана. Только не путайте каштан с конским каштаном. Каштан с «ежиками» — это каштан настоящий, он относится к семейству буковых, а конский каштан относится совсем к другому семейству — сапиндовых. Родом он из Ирана. Его полюбили за необыкновенно красивую крону, листья и чудесные соцветия, похожие на сказочные подсвечники. Но есть блестящие крупные семена конского каштана ни в коем случае нельзя, можно отравиться.

— А сейчас мне представился случай, ни о чем вас заранее не предупреждая, просто вместе с вами внимательно послушать Бориса Алексеевича Александрова.

Прыткая травка

Расскажу я вам старую-старую сказку...

Только-только занялось утро, а уж злая волшебница отправилась в горы за всяким зельем. Набрала она трав полную торбу.

Солнце поднялось высоко, когда старая колдунья захотела отдохнуть и перекусить. Медленно начала она спускаться с горы в долину. И тут приметила, что по краю горной тропки пробивается какая-то травка.

— И куда это ты так спешишь, замарашка? — окликнула старуха травку.

Задрожала та с перепугу.

— Ах, житья мне не стало в долине! Бегу от людей в тихие горы. В долине все лужайки перепаханы. И меня рвут на части и выбрасывают.

Тут злая старуха решила подшутить над людьми. И сказала как можно ласковее своим скрипучим голосом:

— Ты совсем крохотная. Мне жаль тебя. Послушай меня, не ходи в горы! Зачем они тебе? На голых камнях среди мрачных скал ты пропадешь. Возвращайся-ка лучше, глупая, в теплую долину. К людям. Говоришь, там землю перекопали. Тебе же лучше.

Травка эта была спорыш. Явилась она в долину и начала залезать всюду, где есть рыхлая почва — в огород, сад и даже на клумбу с цветами. А потом так осмелел спорыш, что занял даже всю луговину посреди деревни у всех на виду. Начали тут люди выпалывать и уничтожать его. А спорышу все нипочем. Вытопчут его, а он снова поднимается...

Уж и проклинали люди злую старуху за ее проказы! А ничего поделать не могли. Остался спорыш жить в деревне.

Эту сорную травку вы все видели. Она и вправду растет повсюду. Травкой-муравкой, птичьей гречихой и еще гусятником зовут ее в народе.

Но спорыш и пользу приносит. На широкой луговине перед домом пасется выводок гусят. Они с большим аппетитом щиплют травку. Спорыш — лучшее лакомство для домашней птицы.

В траве есть и различные витамины и много других полезных веществ. Любят спорыш и козы, овцы, крупный рогатый скот.

Издавна использовали спорыш и как лекарственное растение.

Растение часто называют травкой-санитаркой. Тучи пыли, поднятые на дороге, быстро оседают, как только достигнут зеленого плотного ковра из спорыша.

А вы, ребята, можете высадить спорыш на спортивной площадке. Играть на таком зеленом ковре очень приятно, да и пыли не будет. К тому же, как вы теперь знаете, спорыш не так-то легко вытоптать.

Проверьте свои ответы на вопросы биологической олимпиады

1. На рисунке были три вида пресноводных моллюсков: катушка, лужанка и прудовик. Только лужанка (в середине) жабродышащий вид, два же других дышат кислородом воздуха. Так как банка, по условиям задачи, была закрыта, они и погибли первыми.

2. Гагу охраняют в Кандалакшском государственном заповеднике, который был организован главным образом для охраны этой птицы еще в тридцатых годах. Заповедник включает несколько отдельных островов и акватории вокруг них: Айновы острова и «Семь островов» на Баренцевом море, Кандалакшские шхеры и другие острова на Белом море.

Большие колонии фламинго находятся в Кургальджинском заповеднике Целиноградской области Казахской ССР. Зимуют фламинго в двух заповедниках: Кызыл-Агачском имени С. М. Кирова в Азербайджанской ССР и Красноводском и его филиале Гасан-Кули. Эти заповедники раскинулись на побережьях Каспия.

3. Круглые резонаторы с боков головы могут быть (из наших лягушек) только у самцов зеленых лягушек, то есть у озерных или прудовых.

4. Осоки в нецветущем состоянии отличаются от других похожих трав по трехгранному стеблю.

5. Ни у кого не возникло сомнения, что в стихотворении Сергея Смирнова описан жаворонок. Однако такой ответ недостаточен. Ведь жаворонки — это целое семейство воробьиных птиц. В нашей стране их водится 15 видов, из них наиболее известны жаворонки: полевой, лесной, или юла, хохлатый, степной, рогатый, или рюм.

В стихотворении точно указано, какой это вид жаворонка: «Прямо в паш не прячется», «И звенит... над полями». Это, без сомнения, может быть только полевой жаворонок.

6. Авторы книг по охране природы:

Ю л. М е д в е д е в, Безмолвный фронт. М., «Советская Россия», 1969. Книга об отравлении планеты ядохимикатами и вреде их применения в сельском хозяйстве для человека и полезных животных.

Ж. Д о р с т, До того, как умрет природа. М., «Прогресс», 1968. Книга о всех важнейших современных проблемах охраны природы. Перевод с французского.

И. А к и м у ш к и н, Трагедия диких животных. М., «Мысль», 1969. Книга о гибели и охране животных земного шара.

Р. П а р с о н, Природа предъявляет счет. М., «Прогресс», 1969. Книга о трудных и важных проблемах охраны природы в США. Перевод с английского.

7. Кроссворд: Гиацинт. Левкой. Резеда. Астра. Настурция. Гортензия. Циния. Мак. Гвоздика. Флокс. Гладиолус. Космея. Табак. Георгин.

РЕКА ВЫТЕГРЕТЬ

Наверное, на свете нет ничего прекраснее лесных полузабытых рек. Все они какие-то подвижные, неукротимые и запоминаются необыкновенной свежестью и чистотой. В этом вы сами убедитесь, когда однажды встретите реку Вытегреть.

Быстро бежит она под зеленым навесом дубов и вязов, весело играет на песчаных проталинах отмелей, являя в нетерпеливом движении молодость и порыв.

Вытегреть приветлива: в лесу все живут дружно, в лесу каждый рад встречному. И знать, от природы достался ей неугомонный и переменчивый характер: то она неслышно проберется меж зарослей, то разговорится со встречным ручьем или позабавится юркими рыбешками, а то печально загрустит в заводи.

Там, где потоку приходится круто изгибаться, с высокого обрыва берега видно, как упругое течение, не успев разбежаться, сникает и застывает в глубоком омуте, неподвижном и темном.

И чуть замедлила река, как кто-то из прибрежных кустов уже накидывает на гладь воды зеленое покрывало тины, и с берега, будто ребятишки в жару, кидаются в речную прохладу проворные травы, буйные, с яркими зелеными пиками листьев.

Самые отчаянные из них даже попытались залезть в Вытегреть в тех местах, где она порывисто сбрасывает и уносит все, что мешает ей в пути. Незавидная доля постигла смельчаков. Так они и стоят кучками кое-где на протоках, покорные, безвольно поникшие по ее живому течению.

У берегов на воде плашмя разбросаны круглые листья кувшинок. За лето они подгорели на солнце, потрескались, пожухли по краям и еле держатся на тонкой проволочке стеблей.

На одном из поворотов на середине реки долгие годы стоял могучий дуб; потом он незаметно постарел и однажды в весеннее половодье рухнул в поток. Ныне тучный кряж, почерневший и обросший мхом, словно пытаясь встать, все еще упирается жилистыми рогатинами сучьев в светлые быстрые струи. Теперь он, сломленный силой времени, грустной тенью темнеет над рекой.

Где-то по берегам Вытегрети уже прошлась осень. Желтые узкие листья ивняка плывут по реке, кружатся, как челноки, в заводях, опрокидываются на перекатах.

Из леса в русло реки сыплются и сливаются потоки ароматного теплого воздуха и пряные запахи спелого лета. В эту пору в природе уже чувствуется затаенная настороженность ожидания перемен. В тишине, в какой-то просветленности солнечного дня, в птичьих приготовлениях к отлету — грустная торжественность ранней осени.

Все окружающее как бы заставляет запомнить прелесть преходящего, прелесть того, чему завтра уже не быть.

Кому тогда не придут в память прекрасные мгновения былого, многое из того, что в другое время некогда вспомнить.

И сколько еще удивительного вдобавок к этому расскажет при встрече далекая лесная красавица Вытегреть.

С. ПИСКУНОВ

ЧУДО-КОРЕНЬ

Как-то пробирались мы в верховье речушки Пиковки. Вокруг лесная глухомань. Ни дорог, ни тропок. Но мой напарник Макар Силин, ориентируясь по каким-то только ему ведомым приметам, шел надежно, уверенно, словно сверяя путь по компасу.

Собираясь в недолгое путешествие, мы взяли с собой лишь самое необходимое. Надеясь на попутную охоту и рыбалку, Макар не забыл захватить ружье, а мне посоветовал запрятать в карман с десяток рыболовных крючков да моток лески.

Не раз уж на привалах у походного костра угощались мы грибным супом, заварной брусникой и тушеным рябчиком. Одного не хватало — рыбы на уху.

— Макар Куприяныч! — как-то спрашиваю проводника. — А где же обещанная рыбалка?

— Будет.

— Когда?

— Завтра утром.

И он сказал правду. Перед самым восходом солнца лосиная тропа через макарьзаболоть привела нас в древний кедровый бор, прямо к озеру.

— Пожалуйста. Можешь рыбачить, — улыбнулся Макар, окидывая взглядом уходившую вдаль голубую заводь.

Клев был чудесный. Брала только плотва, или, как зовут ее в Сибири, сорога. Крупные красноперые рыбешки шли на крючок одна за другой. Одетые в блестящую чешую, напоминающую монеты очень мелкой чеканки, они поистине казались увесистыми слитками чистейшего серебра и приятно холодили руки.

Прекратили мы ужение только тогда, когда кончилась наживка. Глянули на улов, а в росной траве не меньше двух ведер отборной плотвы.

— Что же с ней будем делать? — в недоумении уставился я на Макара.

— Известно что, — спокойно усмехнулся тот. — Часть на уху используем, а остальную возьмем с собой.

— Так ее же надо солить, а у нас соли мало.

— Как-нибудь без соли обойдемся.

— Ты шутишь? Разве тебе не известно, что при такой жаре через несколько часов вся рыба в гнилье превратится?

— Ничего страшного не случится, — похлопал меня по плечу Куприяныч. — Ты вот что. Начинай-ка хлопотать по хозяйству, а тем временем я в тайгу наведаюсь.

— Зачем?

— Потом узнаешь.

Прошел час, полтора. Я вычистил рыбу, принялся готовить завтрак. И вот возвращается Макар Куприяныч с объемистым снопиком какой-то травы. На корневище у нее небольшие луковички с фиолетовым отливом, трехгранные стебельки темно-зеленого цвета. Принюхиваюсь — чесноком пахнет.

— Черемша.

— По-научному черемша, а по-нашему медвежий лук.

— Это зачем же он тебе понадобился, от насморка лечиться? — заметил я с ехидцей, хорошо зная, что в Сибири черемша применяется в народе как противопростудное средство.

— Эх, парень! — сокрушенно покачал головой Куприяныч. — Плохо ты знаешь этот чудо-корень.

— Возможно, так, — согласился я. — Но сейчас черемша какую нам может дать пользу?

— Какую? — хитро прищурился Куприяныч. — А вот какую. Если мы положим в нее наш улов, то он не потеряет своей свежести в течение трех-четырех суток.

Новость была ошеломляющей. Я в недоумении пожал плечами. После завтрака вперемешку с медвежьим луком сложили рыбу в берестяной короб и тронулись в путь. Шли целый день. Ярко светило солнце. Стояла жара. А у вечернего костра мы снова варили уху. Плотва действительно оставалась свежей, лишь терпко пахла чесноком. Не испортилась она и на вторые сутки. А на третьи, когда мы пришли в поселок, зажаренная на сковородке рыба оказалась не последним блюдом.

П. СТЕФАРОВ

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Проснулся раньше других весной медведь молодой. Первый год зимовал. Встал. Отряхнулся. Потянулся. И пошел искать дела, куда левая нога захотела. Бродил да мечтал, совсем отощал. Уж и лето на носу, а медведь все без дела в лесу.

Вот и все птицы домой вернулись, и все звери в норах проснулись — у всех дело есть, один медведь без толку шатается.

Стал он присматриваться да прислушиваться. Тихонько ступает, что вокруг — примечает.

Вон дятел на суку: стук-стук, а сам начеку.

— Что делаешь, дятел?

— Что ни день — короедов гублю, что ни вечер — деревья мечу.

— А это зачем?

— В лесу живешь и не поймешь: лето — припасиха, зима — подбериха.

— Это как понять-то? — удивился медведь.

— Спроси другого кого, мне некогда сейчас!

Пошел медведь, да недолго идти — встретил ежа по пути.

— Эй, колючий, разъясни на случай, что ты в траве копошишься?

— Корешки ищу — домой тащу, грибы ищу — домой тащу, что ни найду — в нору кладу.

— Эк ты жадный какой!

— Я не жадный, — обиделся ежик, — семья большая, зима долгая. Лето — припасиха, зима — подбериха.

— И ты ту же песню поешь?! Да что это значит?!

— Что значит? Тот поближе возьмет, кто подальше спрячет!

Рис. В. Прокофьева

Поплелся медведь дальше, а сам, того не замечая, времени не теряет, вкусное подбирает, в рот отправляет. Тут навстречу ему белки спешат.

— Что ищете? — спрашивает медведь.

— Грибы на сушку! Нынче срок запасаться впрок!

— А зачем запасаться-то?

— Ты не прикидывайся! А то не знаешь! Лето — припасиха, зима — подбериха.

— И вы ту же песню завели! — застонал медведь. — Да объясните хоть, что значит она!

— Опять прикидываешься, — зацокали белки, — будто сам не знаешь? Что ж тогда по лесу гуляешь? Вон уж как потолстел, сколько жиру наел! Зимой-то, как заснешь, снова похудеешь. Вот оно и выходит, что летним запасом жив будешь!

Мих. САДОВСКИЙ

ЧЕСТНЫЙ СПОР

Заспорили в речке жук Плавунец и жук Водолюб — кто из них дольше под водой без воздуха пробудет.

— Я, — щелкает Плавунец крыльями. — Я шире тебя. В моей груди больше воздуха поместится.

— Нет, я, — горячился Водолюб. — Моя грудь хоть и поуже твоей, хоть и меньше в ней воздуха помещается, зато я умею экономнее расходовать его.

Но разве криком разрешишь спор? Пошумели жуки, решили опуститься под воду и сидеть. А кто первым высунет голову наружу, тот и проиграл.

— А я судьей в вашем споре буду, — сказал Прудовик, показываясь из раковины.

Набрали жуки по полной груди воздуха, опустились на дно речки, сидят, друг на дружку смотрят, белые пузырьки кверху пускают. Молчат.

Вот жук Плавунец и говорит:

— Эй, Прудовик, а если я кончик брюшка наружу высуну, будет это считаться, что я проиграл?

Подумал Прудовик, полизал шершавым языком водоросли, сказал:

— Голову высовывать нельзя, а кончик брюшка можно; брюшком не дышат.

Всплыл Плавунец кверху, высунул кончик брюшка из воды. А на кончике брюшка у него трубочка. Набрал с ее помощью Плавунец воздуха в себя и повеселел, опять на дно опустился.

Тут и жук Водолюб голос подал:

— Эй, Прудовик, а если я кончики усов наружу высуну, будет ли это считаться, что я проиграл?

Подумал Прудовик, полизал шершавым языком водоросли, сказал:

— Голову высовывать нельзя, а кончики усов можно: усами не дышат.

Всплыл Водолюб кверху, высунул кончики усов из воды, а на кончиках усов у него дыхальца. Набрал Водолюб воздуха в себя и опустился на дно, сел возле Плавунца.

Сидят жуки, смотрят друг на друга, и то один из них кверху всплывает, то другой. Голов наружу не высовывают. Это Прудовик точно видит. Плавунец кончик брюшка иногда высунет, Водолюб — кончики усов, а голову никто.

И говорит Прудовик всем на речке:

— Честно жуки спорят. Сколько уж времени прошло, а еще ни один из них голову за воздухом не высовывал. Терпеливые. Я бы столько времени не усидел без воздуха, давно бы уже всплыл, если бы не умел дышать кожей прямо в воде.

БРАТЬЯ БОНДАРЕНКО

Когда говорят о вечнозеленых растениях, обычно вспоминают далекие тропические страны. Однако и на студеном Севере можно встретить такие растения. К ним, например, относится брусника.

Чудесен этот низенький полукустарничек, хотя в глаза особенно и не бросается. Кожистые овальные листочки густо покрывают его стебли. В конце весны — начале лета распускаются на бруснике розоватые цветки. На них охотно садятся пчелы, чтобы полакомиться сладким нектаром.

А в конце лета расстилаются брусничные ковры — начинается веселая пора сбора брусники. Полным-полно ее тогда в лесах.

Ягоды брусники имеют приятный, освежающий вкус. Особенно ценно, что бруснику очень легко сохранить в свежем виде в течение всей зимы в прохладном месте. Этим ягода обязана бензойной кислоте, которая обладает обеззараживающим действием.

В ягодах брусники имеются витамины С, РР, каротин, который переходит в нашем организме в витамин А. В бруснике содержатся минеральные соли, глюкоза и другие полезные вещества. Брусничный сок пьют при повышенном кровяном давлении.

Из брусники готовят вкусное варенье, но чаще всего ее варят вместе с яблоками. Очень просто приготовить вкусную моченую бруснику. Отберите вызревшие, неповрежденные ягоды, промойте и залейте их кипяченой водой с сахаром. На 10 литров воды надо взять 200 граммов сахара. Через 25—30 дней моченая брусника готова к употреблению.

Боярышник кроваво-красный, пожалуй, видели все. Оказывается, это ценное лекарственное растение. Такое необычное название боярышник получил за окраску своих плодов. В медицине используют его плоды и цветки. Из них готовят различные препараты, которые улучшают работу сердца.

В диком виде боярышник растет в Сибири, в восточных районах Европейской части страны и в Казахстане. Обычно он встречается на лесных опушках, по берегам рек, склонам гор. Растет в виде кустарника или небольшого деревца до пяти метров высотой.

Боярышник кроваво-красный часто можно встретить в садах, парках, полезащитных лесных полосах. В его густых зарослях любят гнездиться многие птицы. Большие, крепкие колючки боярышника длиной до четырех сантиметров надежно защищают их гнезда от крупных хищных птиц и кошек. Боярышник обладает завидным долголетием, он может прожить до четырехсот лет.

Этот кустарник охотно используют для создания непроходимых колючих живых изгородей. Боярышник хорошо переносит стрижку.

Лучше всего на месте создания живой изгороди вырыть сплошную траншею глубиной 40—60 сантиметров и шириной в один метр и заполнить ее плодородной землей. На тощей, малоплодородной почве боярышник растет плохо.

Плоды боярышника собирают совершенно зрелыми. Срывайте их без плодоножки. Сушите в печах или сушилках при температуре 50—60 градусов, раскладывая тонким слоем. Не забывайте часто перемешивать. Хорошо высушенные плоды сохраняют приятный запах, снаружи они становятся морщинистыми.

Плоды боярышника — хороший витаминный корм для кур в зимнее время. Сорванные вызревшие гроздья боярышника хорошо сохраняются в прохладном, сухом, проветриваемом помещении, например на чердаках, в сараях.

Многие из вас любят пионы. Но среди их большого разнообразия встречается и целебный пион. Его народное название — марьин корень, а научное — пион уклоняющийся. У растения довольно крупные пурпурно-розовые цветки. Цветет он в конце мая — начале июня.

В диком виде марьин корень растет в северо-восточных районах Европейской части страны и в Сибири по опушкам и прогалинам в редких хвойных и смешанных лесах. Разводят его и в цветниках.

Лекарственные препараты из корней пиона уклоняющегося обладают сильным успокаивающим свойством. Используют их и для повышения аппетита и улучшения пищеварения. В народной и тибетской медицине марьин корень применяют при различных желудочных и нервных заболеваниях. В старину население Сибири использовало отваренные корни этого пиона в пищу.

Можжевельник часто называют северным кипарисом. Этот большой кустарник или деревце имеет крону в виде конуса. Но есть можжевельники с плакучей, шаровидной и другой кроной.

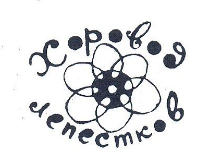
Как у всех хвойных пород, у можжевельника образуются шишечки. Но они не древеснеют, а становятся мясистыми. Да и чешуек на них не увидишь. Шишки очень похожи на ягоды. Отсюда и название — шишкоягоды.

Можжевельник обыкновенный называют еще и хвойным виноградом. Вместе с иссиня-черными шишкоягодами на дереве можно найти и совсем зеленые. Такое соседство объясняется тем, что шишкоягоды зреют два года.

Шишкоягоды добавляют для аромата в пироги и пряники. В зимнюю пору они спасают от голода многих полезных птиц: глухарей, рябчиков, тетеревов, свиристелей, снегирей.

Это растение — превосходный санитар. Его хвоя дезинфицирует и оздоровляет воздух. Зелень можжевельника в изобилии выделяет фитонциды, которые губительны для вредных микробов.

Можжевельник, как и другие хвойные, трогается в рост весной весьма рано. Поэтому его сажают раньше лиственных пород в пасмурную, сырую погоду. К почве можжевельник нетребователен, но лучше растет на песчаных и известковых, достаточно увлажненных почвах. Морозостоек, на севере дико растет до Мурманска. Этот кустарник можно высаживать и в городах, так как он вынослив к газу и дыму. Можжевельник хорошо переносит обрезку.

Август — пора пышного цветения астр. Всем хорошо известны эти однолетники. Однако астры часто страдают от опасной грибной болезни фузариоза. Болезнь особенно сильно проявляется в пору бутонизации и цветения. Листья желтеют, скручиваются и увядают. Стебель снизу становится коричневым, появляются трещины.

Бороться с фузариозом трудно. Однако среди зеленых друзей нашлись хорошие защитники от этой болезни, например календула, или ноготки. Обсадите ноготками астры, и они не будут болеть. Охраняют от фузариоза цветы также шнитт-лук и конопля посевная.

Конопля в изобилии выделяет особые летучие вещества — фитонциды, которые оберегают некоторые растения от болезней и вредителей. Издавна было замечено, что конопля, посеянная рядом с картофелем, предохраняет клубни от поражения их фитофторой. Оберегает конопля от некоторых болезней и фасоль, отгоняет земляных блошек от свеклы.

Заготовьте впрок помидорную ботву. Из нее готовят отвар, который помогает в борьбе с различными гусеницами, тлей, яблонной плодожоркой. Отвар готовят следующим образом. Два килограмма сухой измельченной ботвы кипятят в трех литрах воды в течение часа. Перед опрыскиванием на каждый литр отвара добавляют пять литров воды.

Некоторые садоводы при посадке рассады земляники дно и стенки посадочной лунки обкладывают тонким слоем золы. Чтобы зола не осыпалась, сверху ее прикрывают влажной почвой. Садовая земляника, посаженная в такие лунки, в дальнейшем не гибнет от прожорливых личинок майского хруща.

Древесную золу можно использовать и для борьбы с распространенной болезнью роз — мучнистой росой. Для этого осенью и весной почву вокруг кустов роз посыпайте древесной золой, которую слегка заделайте.

В августе можно сеять на огородах тмин. Тмин — полезная душистая приправа. Мелко нарежьте молодую зелень тмина, посыпьте ею салат, котлеты, добавьте в суп или в любое другое блюдо. И вкус пищи сразу улучшится.

Очень душисты и плоды тмина. Их издавна используют при выпечке хлеба, пирогов, добавляют при квашении капусты, в супы. Применяют тмины в парфюмерном производстве и в медицине.

Тмин обыкновенный — двухлетнее растение из семейства зонтичных. В первый год развивается розетка листьев. На второй год появляется ветвистый стебель, растение зацветает и приносит семена. Спелые семена имеют бурую окраску, их всхожесть сохраняется два года.

Особенно большой урожай тмин приносит на плодородных, глубоко обработанных почвах и при регулярной поливке. Высевают тмин рядами, которые располагают на расстоянии 20—25 сантиметров, между растениями оставляют 15—20 сантиметров. Семена заделывают на глубину одного-полутора сантиметров. Не забудьте прореживать слишком густые всходы и боритесь с сорняками.

Можно разводить тмин и рассадой. Ее предварительно выращивают на отдельной разводочной грядке.

Ценно, что тмин в отличие от многих других пряных растений относится к культурам, мало требовательным к теплу. Его семена прорастают уже при 7—8 градусах. В диком виде он растет по лугам в средней полосе нашей страны.

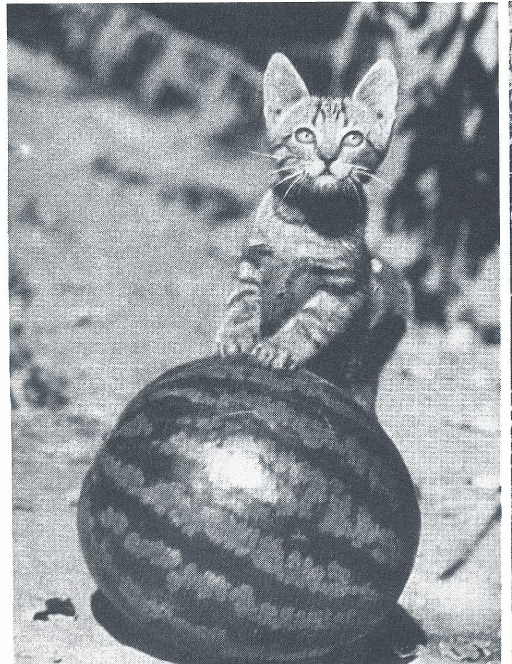
Лук цветет... На его соцветиях деловито работают пчелы. Щедр на сладкий нектар репчатый лук. Луковый мед золотисто-желтый, вкусный. Вначале мед имеет запах лука, но вскоре он исчезает. Пчелы играют большую роль в опылении этого овоща, клейкая цветочная пыльца лука образует комочки и не может переноситься ветром.

Здесь соберут большой урожай «чернушки». Так в народе называют зрелые семена лука за их черную окраску.

Репчатый лук пользуется большим спросом. Он приносит высокие урожаи, вкусен, полезен, хорошо хранится. Репчатый лук обладает сильными обеззараживающими свойствами. Его особые летучие вещества — фитонциды — убивают дизентерийные бактерии, дифтерийную палочку, туберкулезную бациллу, стрептококков, стафилококков. Особенно сильным действием обладают фитонциды острых северных луков.

К таким лукам, например, относится Ростовский репчатый местный. Это старинный сорт народной селекции. Его родина Ростовский район Ярославской области. Это скороспелый лук, хорошо хранится.

Широко распространены в нашей стране и такие ценные сорта, как Арзамасский, Бессоновский, Вишенский, Даниловский, Каба, Погарский, Спасский, Стригуновский и др.

Пожалуй, в августовском лесу чаще всего раздаются голоса грибников. Как приятно отыскать среди листьев крепкий боровик или набрести под молодыми елочками на целое семейство маслят. А потом с полной корзиной лесных даров остановиться на опушке, от которой до родного села рукой подать, и смотреть на слегка позолоченные купы берез, на суетливых муравьев, снующих в траве, на фиолетовые бубенцы колокольчиков.

И тогда откроется сокровенное, и припомнишь неожиданно о многих лесных встречах с прекрасным.

Паутина вдруг засверкает росными бриллиантами в тонком переплетении ажурных нитей, таких нежных и зыбких, что отзываются на самое легкое дуновение ветерка.

А то припомнится радость мальчишки с гигантским дождевиком в руках. Да, найти такой гриб — редкая удача, которой позавидует всякий.

Или вдруг всплывет в памяти заросший бархатистым мхом березовый пень и ящерки, пригревшиеся на ярком солнце. Жаль, не успел подслушать, о чем судачили эти юркие красавицы, — так быстро пропали они при твоем неосторожном шаге.

Таковы сюжеты, которые подарил лес нашим фотокорреспондентам И. Невелеву и В. Ложкину.

Две другие фотографии совсем иные. Интересно узнать, чем понравился кошке зеленый арбузный шар. Это ведь не мяч, с которым можно и поиграть, на арбузе верхом далеко не уедешь. Но все равно кошке весело. А вот у бульдога, выглядывающего в окно, грустные глаза.

Не правда ли, интересные фотографии получились у И. Ядрицовой из города Ейска Краснодарского края и А. Наумова из Ульяновска?

Наши обложки

Всем хорошо знаком подосиновик. При встрече с ним любой грибник обрадуется — уж больно строен и хорош этот лесной красавец.

Издали кажется, что у иван-да-марьи, которую вы видите на 4-й странице обложки, двухцветные лепестки: одни ярко-желтые, другие темно-фиолетовые. А присмотревшись, увидишь, что цветки у него только ярко-желтые, небольшие, трубчатые, сине-фиолетовым же цветом окрашены прицветные кроющие листья. Правильное ботаническое наименование растения — марьянник дубравный.

Через некоторое время после опыления цветков у марьянника созревают семена, огромное их количество рассыпается вокруг, тут же они прорастают и поэтому встречаются сразу группами, за что марьянник получил еще одно название — братики.

Фотографии наших обложек выполнил Ростислав Воронов.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А., (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор З. А. Сутченко

Сдано в набор 4/VI 1970 г. Подп. к печ. 6/VII 1970 г. А00701. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 850 000 экз. Заказ 1053. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

20 коп.
Индекс 71121